

Анатолий Шалин

ОПРЕДЕЛЕННО,
ГОСПОДА,
ТОНЕМ!

Рассказы и сказки

НОВОСИБИРСК
2005

ББК 84.Р7
Ш 14

Шалин А. Б.

Ш 14 Определенно, господа, тонем! *Рассказы и сказки.* — Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2005. — 120 с.
ISBN 5-900-152-44-8.

© Шалин А.Б., *тексты*, 2005

© Лазарева Л., *оформление*, 2005

РАССКАЗЫ



ФУТУРИЯ

Мужичонка, торгующий саженцами на привокзальной площади, показался Калкину типичным, если не бомжем, то уж пьянчугой без определенного рода занятий. Его припухлый, морковного оттенка нос, седые космы, торчащие во все стороны из-под плохо заштопанной вязаной шапочки, потрепанный спортивный костюм и болоньевая куртка образца начала семидесятых годов говорили опытному глазу Степана Романыча о многом и никак не внушали доверия к их обладателю, поэтому Калкин уже собрался было проследовать мимо этого сомнительного продавца, когда был остановлен просительным голосом последнего:

– Э, гражданин, вижу, что садовод, и опытный в этом деле, купите пару саженцев, есть вишня, слива, смородина – элитные сорта, все из питомника.

Калкин остановился и добродушно улыбнулся.

Знаем мы ваши элитные сорта, – подумал

он, – где-нибудь здесь рядом в придорожных зарослях надергал и теперь ищет простаков.

Сам Калкин не раз бывал в шкуре такого простака, так, например, приобрел он прошлой осенью все на этой же площади у какой-то бабуся саженцы, тоже элитные, сливы и облепихи. Слива оказалась юным тополем, а облепиха дичком. И подвергаться очередному надувательству ему совсем не хотелось, однако до подхода электрички оставалось еще минут пятнадцать, можно было и побродить по торговым рядам, обслуживающим отъезжающих дачников, огородников и садоводов, и даже поболтать с торговцами.

Обозрев лежащие перед мужичонкой хилые побеги, Степан Романыч поморщился и с видом знатока отрезал:

– У меня этого добра у самого на участке хватает. Ничего интересного не нахожу!

– Как! – возмутился мужичонка. – А элитная груша! Сорт «бергемот австрийский», а слива курильская?

– Нет, не надо, вот в Австрии своего бергемота и выращивай, а у нас Сибирь.

– Тебе же редкости нужны! Вот и предлагаю, не хочешь сливу, возьми вот это растеньице – экзотика, на бутылку готов спорить – ни у тебя, ни у твоих соседей такого нет,

футурия! – и мужичонка поспешно сунул чуть не под самый нос Калкина глиняный горшок с каким-то розовато-голубовато-зеленоватым не то цветком, не то кактусом.

Степан Романыч пригляделся и в задумчивости почесал затылок – и в самом деле такого растеньица ему еще не попадалось: мясистый стебель и листья ажурными розеточками так замысловато закручивались и изгибались, что создавали какой-то праздничный разноцветный узор, отдаленно напоминающий сияющую украшениями новогоднюю елку. На Романыча вдруг повеяло теплом детства, вспомнились совсем уже было забытые праздники и лица, и на душе стало как-то спокойнее и веселее.

– Что это? – изумленно спросил Степан Романыч.

– Я же говорю «футурия», очень редкое растение, ни в одном ботсаду не найдешь. Бери, мужик, не пожалеешь, единственный экземпляр, сам из экспедиции привез.

– Так это, наверное, комнатное, в открытом-то грунте быстро загнется, видно же, что-то южное, а у нас, сам знаешь, климат суровый.

– Ни черта ему не сделается, я его на балконе забыл на всю зиму, думал, все – выбросить придется, а ничего – только сморщи-

лось все и высохло, а как потеплело весной, пожалуйста, вновь набухло и листочки новые проклюнулись! Бери, даром отдаю, за двадцатку!

– Ничего себе даром, – возмутился Романыч. – да я на двадцатку полдюжины саженцев куплю, и еще сдача останется.

– Так это ж редкость, футурия, где ты еще такую найдешь?

Романыч прикинул, что найти такую действительно не просто, и, проклиная в душе свою мягкотелость, полез в карман за бумажником.

Рассчитавшись с продавцом и запихав горшок с растением в сумку, он услышал неразборчивый голос диспетчера, объявляющий прибытие электрички, и поспешно побежал на платформу, позабыв даже поинтересоваться, какого ухода требует приобретенное экзотическое диво.

Опомнился он уже в вагоне и поразился очередной своей глупости и тому, зачем он ее совершил.

Супруга, если пронюхает, что я за горшок с этим не то кактусом, не то папоротником выложил двадцатку, точно, меня сожрет с потрохами. Прямо гипноз какой-то, – размышлял Романыч, – и как эти жулики-торговцы умеют уговорить и всучить всякую

ерунду! Уму непостижимо! И где же мне его посадить? На участке, пожалуй, не годится, надо будет домой везти и в комнате на подоконник поставить...

Впрочем, мысли эти недолго занимали Романыча, о своей опрометчивой покупке он быстро позабыл и не вспоминал до самой дачи, а уж там и вовсе было не до горшка с растеньицем. Возня с парниками, грядки и прочее так отвлекло Романыча от мыслей об экзотике, что, лишь собирая вещи перед возвращением в город и наткнувшись на свою покупку, он вздохнул и, прикинув, что впереди лето, тихонько высадил растеньице у ограды среди различных гладиолусов и прочих цветов, авось пообвыкнется, примелькается, глядишь, и жена оценит приобретение и не станет досаждать с упреками.

Лето быстро набирало силу. Все вокруг цвело и благоухало. Травы и сорняки росли не по дням, а по часам и даже по минутам, а непрерывная изнурительная борьба с ними, причем без всякой надежды на успех и веры в конечную победу, совсем измотала Романыча, и он частенько присаживался на скамеечку перед домиком, закуривал сигарету и мысленно проклинал все свои садоводческие начинания и свою непутевую жизнь.

Изредка он поглядывал на росшую у забора футурию – растение вполне прижилось и чувствовало себя, похоже, великолепно – появились новые ветви, молодые, сочные, ажурные листья и розоватые то ли бутончики соцветий, то ли ягоды усыпали и стебель, и боковые ответвления. Созерцания этого экзотического корнеплода как-то успокаивающе действовали на Романыча, да и супруга его, как заметил Калкин, в непосредственной близости от футурии становилась более доброжелательной и даже, чего уж Романыч за своей старухой не замечал лет двадцать, нежной и вроде бы даже какой-то застенчивой. Поначалу-то Романыч и не обращал внимания на эти странности в своем поведении и поведении окружающих в зоне произрастания футурии, но, когда однажды два пьяных и вполне обнаглевших подростка, буйнивших на всю округу, вдруг прониклись смирением и некоторой слезой раскаяния опять же перед забором дачи Романыча, он задумался.

Что-то не то творится. Как-то эта футурия странно влияет на нас. Прямо как валерьянка или какое-то успокаивающее средство, и даже внутрь принимать не надо, успокаивает на расстоянии.

Будучи по натуре человеком любопыт-

ным, Романыч решил проделать кое-какие опыты с растением и определить хотя бы приблизительно зону его влияния на окружающий мир.

Он установил складной стул приблизительно в семи метрах от растения, уселся и стал посматривать по сторонам. Ничего особенного вокруг не происходило. Постепенно Романыч начал клевать носом и тут вдруг поймал себя на мыслях, ранее ему не свойственных.

Мысли были такие:

Всю жизнь чепухой занимаюсь, дурака валяю...

Годы уходят, а что остается, так... ерунда. А по молодости-то какие планы строил. У-у! Какие планы! Изобретать пытался, наукой серьезно хотел заниматься! И замыслы были, и силы, а где все это теперь? Сплошная суета, пустяки и ничего больше... Этак завтра или через год-другой помру, а через десяток лет никто и не вспомнит обо мне. А ведь мог бы кое-что полезное и для людей сделать, мог бы...

– Черт знает что в голову лезет, – пробормотал Романыч, – и ведь вот что обидно... Правда это, вот что обидно... Неужели этот корнеплод на меня так влияет? Гм...

И Романыч поднялся и перетащил склад-

ной стул на три метра поближе к футурии.

На этом новом месте он почувствовал такую непривычную тоску и горечь за бездарно растраниженные годы, что даже слабые его попытки самооправдания ссылками на непростые житейские обстоятельства и пакостные характеры окружающих ему не помогли.

Мысли в голове Романыча так и шелестели:

Ах, ты, старый идиот, лодырь и пьяница. Тебе бы только водочку с приятелями хлебать да языком трепаться, а на серьезные дела тебя нет. И что же ты за человек такой, да и человек ли ты? Нет, какой ты, к лешему, человек, так, двуногое животное с зачатками мышления, целиком программируемое привнесенными обстоятельствами внешней среды. Полное отсутствие всякого духовного мира... Ты о жизни-то своей хоть раз задумывался, скотина? Из школьного курса хоть что-нибудь помнишь? А еще университет заканчивал! И это кандидат наук!.. Ну да... Человек – это звучит гордо! Хотя что-то в голове осталось. Только гордо-то звучит далеко не каждый человек, совсем даже не каждый. Из сотни, если не из тысячи, может, одному удастся в своей жизни прозвучать гордо, а остальные так... хрипят что-то

на потеху зрителям... И ты в том числе... А ведь были способности, были... Может, и сейчас еще не поздно, если усиленно заняться твоим перевоспитанием... Что нахохлился?

От таких мыслей Романыча даже зашатало. И в пот бросило.

– Елки зеленые, да это ж не мои мысли, у меня таких отродясь не было. То есть, возможно, когда-то лет сорок назад что-то такое и могло в голове появиться, но с тех пор ни-ни...

А мысли уже распирали черепную коробку и так и накатывали:

Ах ты, мерзавец! Ты еще и трепыхаешься? От правды не уйдешь! Лучше начинай творить, что задумывал, еще вполне можешь успеть сделать кое-что полезное. И не вздумай увиливать!

Тут Романыч вздохнул, крикнул и с опаской посмотрел на цветущее растение.

Что же это со мной происходит сегодня? Неужели этот декоративный кочан капусты на меня так подействовал?

И тут же возникла мысль:

Сам ты кочан. Ты меня благоустроил, взрастил. В благодарность за заботу я из тебя человека выращу. Да, и не вздумай мне пакостить. У вас, людей, иногда такие мыслишки появляются: делать зло тем, кто вам доб-

ра желает, но со мной такое не пройдет.

И в этот момент Романыча чуть не парализовало, он наконец осознал, что с ним ведет назидательную телепатическую беседу именно это растущее у него в саду на грядке нарядное растение.

– Этого не может быть, я с ума схожу, – пробормотал Романыч, хватаясь за сердце.

– Может, еще как может! – звенело в голове. – Я тебя, сукиного сына, перевоспитаю, ты у меня станешь, наконец, разумным мыслящим существом...

И началось для Романыча страшное интеллектуальное рабство. Он теперь и пикнуть не мог без ведома ужасного гипнотического растения. Футурия доставала его своими телепатическими ударами везде, и всякое сопротивление пресекалось.

Она заставляла Романыча просыпаться чуть не в пять утра и обливаться холодной водой, делать гимнастические упражнения по неизвестной системе, прочитывать, точнее, перелистывать в институтской библиотеке за несколько часов рабочего времени до десятка объемистых томов. Самое ужасное, что содержимое этих фолиантов Романыч теперь запоминал чуть не с одного взгляда. В день работы в институте он теперь успевал сделать больше, чем раньше делал за два

месяца, а футурии всего этого было мало. Она и дома заставляла его читать, трудиться, размышлять над прочитанным.

Романыч понимал, что окружающие, и в первую очередь супруга самого Романыча, чувствуют происходящие с ним перемены и начинают удивляться его поведению. Он даже как-то высказал свои опасения футурии:

– Пойми, чудовище, на меня уже косо смотрят. Я же умру от перенапряжения, у меня уже головные боли начинаются, ты жену мою хоть пожалей, детишек...

– За них не переживай, их воспитанием займемся позднее. А супруга перемены в тебе приветствуют, надеется, что ты продвинешься в науке, и она права.

– Да я же через месяц от такой жизни ноги протяну, у меня сердце не выдержит, я же уже старый, мне скоро пятьдесят три стукнет.

– Вот именно, надо же тебе в жизни хоть что-то полезное сделать для общества, пусть и с моей помощью, а все же...

– Я же вот-вот упаду...

– Ерунда, сегодня приедешь ко мне на участок, я осмотрю твой организм, если что не так, регенерируем. Не забывай, что ты имеешь дело с одним из самых высокоразвитых

мыслящих растений галактики. Все в наших силах...

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал мысленно Романыч, а что ему еще оставалось, когда все его мысли и желания были под контролем этого зеленого монстра.

И он ехал на участок, поливал и окучивал своего зеленого хозяина, послушно выполнял все его предписания и за лето, на удивление друзьям, родственникам и сослуживцам, стал совсем другим человеком, помолодел лет на двадцать, приобрел звериную силу и добился такого ясного и тонкого мышления, что в конце концов полюбил своего учителя-мучителя и даже стал ему в чем-то благодарен.

И вот уже где-то в конце сентября, когда начались ощутимые заморозки, прохладной звездной ночью футурия призвала к себе Романыча из дачного домика и объявила ему, что вполне довольна его перевоспитанием, его способностями и направлением мысли.

– Да, мой друг, наше знакомство завершается, – заявила она ему, естественно, мысленно. – Мне пора... Дальше ты и без моих подстегиваний справишься, жажда деятельности, жажда мыслей – это теперь у тебя в мозгах. Делай свои открытия, изобретай!

– Погоди, ты же обещала повоспитывать моих сыновей.

– Вообще-то, своих детей человек должен воспитывать сам, но раз уж обещала, вот у меня здесь на макушке созрело несколько коробочек с семенами. Сорви одну, посадишь в цветочный горшок и подаришь своим чадам.

– А как же ты? Зима же скоро. Может, и тебя в горшок?

– Обойдемся без горшка, не маленькие, такие, как я, растут не только в каком-то одном месте и времени, мы способны вращать в иные времена и пространства и таким путем познаем вечность, а теперь прощай.

И в этот же миг перед изумленным Калкиным все растение вдруг засветилось призрачным голубоватым сиянием, заиграло, засверкало всеми цветами спектра, стало вытягиваться в безоблачную черноту звездного неба и растаяло где-то среди созвездий.

И тут впервые за эти месяцы Романыч почувствовал, что чужое влияние оставило его мозг, он стал вновь свободен, но странно – совсем не обрадовался свободе.

Ведь свобода – это еще и ответственность за свои мысли и действия, а подсказывать

Романычу, исправлять его ошибки теперь было некому, и прежнее интеллектуальное рабство показалось ему вдруг таким сладким и уютным, и он поежился от ночной прохлады, горько вздохнул и, бережно сжимая в кулаке коробочку с инопланетными семенами, пошел в дом.

А мозг сверлила одна жгучая мысль:

– Никто теперь за тебя думать не будет, пень березовый, никто! – и Романыч готов был заплакать. – Сам напрягайся, сам ищи, сам добивайся знаний, иначе тебе, бергамоту сибирскому, не прорасти в вечность!

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Назидательная история

С некоторых пор Федор Дерюгин стал задумываться о смысле жизни.

– И давно это с тобой? – поинтересовался у него Валька Стожкин, старый партнер Федора по преферансу, рыбалкам и некоторым охотничьим развлечениям.

– Что давно? – не понял Дерюгин.

– А вот это – смысл жизни, быть или не быть и вся эта тяга к философствованиям? Раньше я за тобой не замечал.

– Не знаю, чувствую, что-то в характере меняется, полтинник скоро, старею, что ли? Вот мы сегодня опять в карты режемся, а чувствую – жизнь проходит мимо, на пустяки годы тратим, на пустяки...

Валька пристально посмотрел на своего старого друга, улыбнулся, бросил взгляд на свои карты:

– Семь пик.

– Пасую.

– А ты, Сема? – кивнул он третьему партнеру.

– Пас.

– Что ж, посмотрим, что у нас в прикупе... М-да... Говоришь, жизнь проходит? О, тузик и подставочка! Что ж, девятерной на пиках. Что, ребята, приуныли? Один старый шулер как-то утверждал, что смысл жизни в том, чтобы знать, что в прикупе лежит, а вы какого мнения?

– Шулеру, возможно, подходило, – согласился Федор. – А мне что-то грустно.

– Давай напьемся, – предложил простодушный Сеня, всегда готовый на это благородное занятие, – хочешь, сейчас за бутылкой сбегая? А, правда, мужики, вмажем? Что мы в самом деле?

– Нет, так всю жизнь и пропивают, не хочу, – отрезал Федор. – Скучно!

– Во дает, совсем сдурел, ты не заболел случаем?

– Здоров.

– Слушай, а жена как, дети? – поинтересовался Валентин. – Может, какие нелады? Сознаться, в чем причина? Чего тоску гонишь? У меня вдовушка одна на примете, хочешь, познакомлю?

– Да ну вас, все вроде нормально, сам не знаю, чего на меня накатывает. Ну, что вы прицепились, что задуматься нельзя человеку о своем предназначении?

– Нет, нельзя, старик, – почесал загривок Сеня, – опасно это. У нас вся жизнь построена так, чтобы человек не задумывался, а, знай себе, крутился в делах и заботах, и так до могилы... А уж когда ящик за тобой заколачивают станут, тут можно, конечно, задуматься, но уже другим, мол, Бедный Йорик и все такое, но ты-то уже отыграл, и тебе все едино...

– Вот философ! Сеня, ты Сократ, не меньше, дуй за цикутой, то есть за бутылкой, – подхвятил Валентин, покосившись на хмурого Федора.

– Нет, с вами, паразитами, невозможно ни о чем серьезном разговаривать. Все на какую-нибудь фигню сведете, – возмутился Федя. – В жизни раз можно нам серьезно о чем-нибудь поговорить?

– А мы разве против? – удивился Сеня. – Сейчас сбегая и потолкуем. Нам с Валькой тоже интересно, в чем этот самый смысл жизни можно обнаружить. Я тебе про другое говорил, меньше задумывайся, вылетишь из колеи – и привет, тут тебя эта самая жизнь так за одно место ухватит, что сразу про все смыслы забудешь! Гоните по пятерке, я сейчас мигом...

– Он прав, – благодушно заметил Валентин, вставая из-за стола и собираясь при-

крыть дверь за Семеном. – У нас в институте один кандидат наук тоже стал все задумываться о чем-то таком, о смысле, там, жизни, научных исследований, даже, дурень, на ученом совете со своими рассуждениями пытался выступать... И что ты думаешь – угодил в психушку... Там ему мозги, конечно, немного вправили, но уже не то получилось, потерялся для общества.

– А сам ты, Валька, разве никогда об этом не размышлял?

– Скажешь тоже... Что я хуже других? Конечно, размышлял, но не за картами же! – Валентин собрал колоду и неторопливо перетасовал. – Да, всему свое время. Каждому овощу – своя грядка. Первый раз о смысле жизни я задумался где-то в пятом классе. Я тогда, помню, нахватал двоек за контрольные по физике и по математике, а папочка мой был сторонник консервативных методов воспитания и так, знаешь, меня чувствительно выпорол за все мои грехи, что я полночи не мог уснуть и все размышлял, почему жизнь у меня такая горькая и в чем ее смысл.

– И чем закончились размышления?

– Знаешь, перестал дурака валять, стал вникать в изучаемые предметы и даже увлекся этими науками.

– Вот видишь, помогло. Значит, надо осмысливать нашу жизнь?

– Конечно, надо, но и порки иногда тоже необходимы, хотя бы в профилактических целях.

– Опять хохмишь, когда мы с тобой будем серьезными?

– А зачем?

– Серьезность придает жизни смысл.

– Я так не думаю. Серьезность обычно скрывает растерянность перед жизнью или глупость. Серьезность уже подразумевает слишком скованное отношение к жизни и всем ее проявлениям, а потому слишком серьезная личность, как правило, либо боится жизни, либо придает слишком большое значение различным жизненным обстоятельствам и, как следствие, придает очень большое значение своей особе. Отсюда один шаг до мании величия или мании преследования – и как результат: депрессии, компрессии и тяга к смене среды или профессии.

– Словом, недовольство жизнью.

– Э, Федя, покажи мне хоть одного человека, что доволен своей жизнью. И ставлю десять против одного, что он или дурак непроходимый, или уже в душе покойник.

– Это почему?

– А живому человеку двигаться надо, ис-

кать, творить, а недовольство его и заставляет шевелиться.

– Гм, – Федор усмехнулся. – Заставляет играть в карты, пьянствовать.

– Верно. – Валька бросил колоду на стол и сморщился. – Верно, личность человека уже подсознательно требует деятельности, творчества, а люди часто обеспокоены этим зудом в подсознании и, не понимая, чего же им надо, стараются заглушить тягу к деятельности, к творчеству различными суррогатами – водкой, вином, играми, но это попытка обмануть подсознание и свою грешную натуру.

– А природа мстит за обман...

– Мстит... Еще как мстит. Однако большинство людей продолжают ее обманывать, стараясь не задумываться о высоких материях, они подсознательно, опять же, чувствуют, что не нашли себя, не раскрыли творческих сил и тратят себя на пустяки. Особенно это характерно для юных оболтусов, взрослыми стремятся стать – подражают старым идиотам, курят, пьют, напирают на секс, полагая, что это и есть взрослая любовь, иногда наркоманят, поигрывают в карты, а потом, когда вся их дурь выходит боком, организм дает трещины, спохватываются, начинают размышлять о смысле жизни, смут-

но сознавая, что второй раз их в этом мире, скорее всего, никто не пустит. А тележка-то уже укатилась... И рассуждать о смысле жизни во всех смыслах поздновато, да многие из них и рассуждать-то за свою жизнь так и не успевают научиться.

– Намек понял. – Федор тяжело вздохнул. – Полагаешь, и мне уже поздновато об этом думать?

– Обижаешь, старик. Мы друг друга уже лет тридцать знаем. И в тебе я уверен. Ты на моей памяти особых стратегических ошибок на жизненном пути не совершал, бывали, конечно, пируэты, а у кого их не было? У тебя голова есть, и пользоваться ей ты научился, кое-чего достиг, мог бы большего, но...

– Что но?

– Только без обид. Ты, Федя, сам затеял этот разговор. Согласись, что и ты, и я могли бы достичь значительно большего, если бы прикладывали к тому больше усилий. Я тут как-то у одного философа вычитал, что человечество способно погубить две вещи – лень и глупость. Заметь, лень на первом месте.

– М-да, с глупостью своей мы еще худо-бедно справляемся...

– Рад, что понимаешь меня, не знаю, что

ты собираешься предпринять, но преодолеть себя и выпрыгнуть из привычной жизненной колеи не просто, а в погоне за смыслом жизни это необходимо...

В это мгновение в прихожей прозвенел звонок и Валентин вновь подался к двери.

– А вот и Сеня с цыкутой.

Вскоре в комнату влетел жизнерадостный Семен и бухнул бутылку водки на стол.

– О! В поисках истины необходима! – И Сеня засуетился: – Где у тебя, Валька, закусь? Стаканы давай.

Валентин неторопливо сходил на кухню, извлек из холодильника консервы, селедку, колбасу и выставил на стол три стакана.

Федор с некоторой долей отрешенности наблюдал, как Сеня оперативно скрутил пробку, разлил по сосудам холодную жидкость и, радостно потеряв ладони, многозначительно уставился на колбаску, селедочку с лучком и прочую снедь, что была выставлена хозяином квартиры.

– Значит, эта, мужики, за смысл жизни! Друженько! – и подвинул один из стаканов к Федору.

– Вы, ребята, как хотите, а я – пас, – Федор потупился. – Не хочется что-то.

– Как знаешь, – добродушно заметил Ва-

лентин, – а мог бы и поддержать компанию.

– Ты че, Федя?! – изумился Сеня. – Ты же не за рулем!

– У него, брат, еще хуже. Он решил попытаться жизнью своей управлять, а это тебе не «Тойота»!

– А!.. Смысл жизни? Так мы ж за него и пьем! Какое ж новое дело начинают без обмыва? Вы что, охламоны, а ну, за почин! И вообще, истина в вине! Как там по-латыни?

– Это не довод, Сеня! – усмехнулся ехидный Валентин. – Я о латыни. Это ведь римляне полагали, что истина в вине, а где они теперь? Вымерли! То-то...

– Но мы-то еще живые...

– Тьфу на вас. – Федор сморщился. – Ладно, давайте за удачу.

И они сдвинули стаканы.

– Давно бы так, – одобрил Сеня, заглатывая содержимое стакана и подцепляя вилкой кусок селедки. – А насчет смысла в жизни ты, Федор, не сомневайся. Отыщешь когда-нибудь.

Валентин понимающе усмехнулся:

– Прав, Сеня, прав. А со смыслом жизни... Ну, чем черт не шутит! Может, мы еще и поумнеем.

Они так и не поумнели.

И как автор рассказа в этом месте я вынужден вступить на сцену и довести до сведения моих милых читателей, что та бутылка с цикутой, которую приобрел по дешевке жмот Сеня у какой-то бабки в подворотне, содержала некоторое количество метанола и этилпропилидиотизмола в пропорциях, вполне достаточных для летального исхода.

Да, да, это была одна из бутылок фальшивой водки, завезенной в наш родной город предприимчивыми сволочами. По горькой иронии, свойственной жизни, она-то и досталась нашим доморощенным сократам. Увы, пример вымерших римлян так нас ничему и не научил.

Да, о смысле жизни... Когда на кладбище за ними стали заколачивать ящики, стоящие у могил друзья и родственники усопших и в самом деле задумались о нем, о смысле, только надолго ли...

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ СУДЕБ

Определитель судеб. Карманный, безошибочный...

Обнаружен случайно в старой библиотеке. Молодой оболтус N. заглядывает в него и читает о своей прошлой и настоящей жизни, узнает подробности о своих близких, знакомых и предсказания своего будущего.

N. Возмущен:

– Неужели все предопределено и нет никакой свободы воли?!

И тут голос из книги:

– Свобода-то есть, а вот воли у тебя нету.

У ОКОН ДОМА МОЕГО

Я рад, что мое раннее детство проходило не в многоквартирном и многоэтажном курятнике, а в своем, бабушкином доме, доме сохранявшем что-то старинное, дедовское, атмосферу, если не Новониколаевска, то раннего Новосибирска, еще маленького города с одно- двухэтажной застройкой, деревянными тротуарами и грунтовыми дорогами, заросшими по краям лопухами и чуть не до середины бархатистой травкой – спорышем.

Вспоминаются палисадники с кустами сирени, яблоньками, цветочными грядками гладиолусов, пионов и китайской ромашки, потемневшие от времени деревянные скамеечки почти перед каждым домом, на них так любили посидеть наши старики и старушки, пощелкать семечки и обсудить какие-то свои новости или поговорить о политике.

Двор и огород при доме играли не последнюю роль в детском воспитании. Свое пространство, на котором жили и кот Васька, и

пес Шарик, а до него пес Барбос, и куры, и разбойник-петух... И где можно было: и строить из старых досок шалаши, и держать голубей, и мастерить разные поделки на верстаке рядом с двухэтажным сараем-курятником.

Копание грядок каждой весной, цветение сирени и черемухи под нашими окнами, поливание огорода, расчистка дорожек от снега зимой, строительство снежных крепостей в огороде – все как-то будило воображение, заставляло двигаться, мечтать, творить – что-то создавать своими, пусть неумелыми, детскими руками.

А сколько игр придумывалось, игралось в наших дворах, какие только игрушки, доспехи мы ни изобретали. Среди моих сверстников попадались настоящие умельцы, семилетние мастера...

Да и соседи на таких улочках знали друг друга от рождения и до смерти, и дружили, и ссорились, и мирились. И свадьбы, и похороны отмечали вместе. Была атмосфера улицы – свой уличный коллектив.

Частный сектор, скажете вы, необходимость каждый день зимой, весной и осенью топить печь, колоть дрова, возить или носить воду с колонки, все удобства, как правило, во дворе. Да, не коттеджи с центральным

отоплением тогда стояли на нашей улице, и все же... все же... Многие неудобства той жизни как-то переходили из области недостатков в область достоинств, что ли. И были мало заметны, а кое в чем эти свои дома обладали несомненным преимуществом перед квартирами со всеми удобствами.

Уход за домом с детства приучал детей к определенным обязанностям, к трудолюбию. Например, как отче наш, мы мальчишки знали: наша святая обязанность чистить снег, копать огород, колоть дрова, привозить воду и, поскольку, эти обязанности стали нашими чуть не с трех или пяти лет, никакого протеста или недовольства не возникало, все это было разновидностью гимнастики, больше развлечением, чем трудовой повинностью. И в самом деле, если понимать психологию ребенка, то какая гордость, какое творческое удовольствие получаешь, когда ты, еще шестилетний или семилетний сопляк сам деревянной лопаткой перебросаешь с тонну снега, сделаешь это быстрее, качественнее, чем взрослый сосед – и уже гордость, не хуже взрослого, значит, и сам почти взрослый. Или расколоть хитрое, сучковатое полено здоровенным колуном, едва ли не большим, чем ты сам. Тут ли не радуется

результат? А вкушать плоды с огорода, вскопанного и многократно поливаемого своими руками? Если вы не попробовали этого в детстве, вам, боюсь, трудно понять эту ребячью радость.

Свои дома и для стариков, проживших в них долгие годы и буквально изнывавших от нетерпения, когда же снесут их жилье и они получают благоустроенные квартиры, были, по-видимому, все же благодетельней, чем бетонные девятиэтажки. Стариков, как и детей, свой дом заставлял понемногу двигаться, крутиться – хозяйство обязывало ежедневно тренировать и сердце, и ум, и ноги, как бы ни хотелось немощному деду или бабушке расслабиться, полежать в тепле у печки. Не знаю, существует ли на сей счет какая-либо статистика, но подозреваю, что продолжительность жизни в своем добротном деревянном доме, при прочих равных условиях, больше, чем в уютной квартире со всеми удобствами, особенно, если у такого хозяина квартиры еще и нет садового участка, где он мог бы применить свои творческие и физические силы.

Мысль эту подтвердило одно печальное наблюдение, подмеченное после долгожданного сноса нашей улицы. И старики, и молодежь получили наконец то, о чем мечтали,

квартиры в разных районах города на разных этажах.

Конечно, когда дошло до порушения родных жилищ, у многих сердца заныли – форменное разорение явилось миру. Садовых участков и дач в то время почти ни у кого на улице не было и огромное количество теперь ненужного скарба валялось по всем дворам. Лари, сундуки, еще прадедушкины, старинная, хотя и не замысловатая мебель, иногда попадался и шкаф из орехового дерева еще дореволюционного производства – все выбрасывалось или отдавалось за бесценок. В самом деле, не попрешь же тот же шкаф высотой 2,5 метра в квартирку, где потолок от пола отстоит на 2,3 метра, а, значит, или руби на дрова или забирайте, люди добрые. И люди добрые забирали.

Бочки, корыта, телеги, коромысла... Из амбаров и с чердаков извлекались прабабушкины прялки, веретена, какие-то хитрые ткацкие станочки, из подпола, погребов огромные глиняные корчаги, горшки полуметровой и метровой высоты, из которых в пору богатырям пить. Старинная посуда, бутылки-четверти, одно блюдо, помню, было метровой, если не больше величины.

Конечно, приезжали на машинах, на «волгах» какие-то расторопные тети и дяди, пред-

ставлялись работниками музея (Бог ведает, кем они были на самом деле – документов у них никто не спрашивал), и та же моя бабушка Тася махала рукой: раз вам надо, заберите и прялки, и скалки, и чугунные горшки, и утюги, и ухваты... Хоть в музее, может, что-то сохранится.

Так вот, о печальном наблюдении... Если относительно молодые и крепкие новоселы еще как-то быстро адаптировались и вписались в жизнь бетонных девятиэтажек, то старики, как правило, в курятниках заскучали и мало кто из них пережил свой дом на год, на два. Многие переселились в иной мир буквально в первые полгода с момента слома своих старых, так долго ими же проклинаемых домов. Не прижились, значит, в квартирах с удобствами.

Ныне таких стареньких одноэтажных улочек в городе уже мало. А от той улицы Омской, что рядом с вокзалом «Новосибирск-главный», на которой мы жили в бабушкином доме, не осталось почти ничего. На месте двадцати или сорока снесенных домов построены две многоподъездные бетонные девятиэтажки – китайские стены, как их называют в народе. Двор между ними залит асфальтом, разбито несколько стандартных

детских площадок – сломанные качели, железная горка и несколько железных перекладин, на которых жители домов выбивают пыльные половики.

На газонах хилые кустарники и многочисленные автомобили у подъездов. Где здесь развиваться воображению и творчеству малышей? Уже и дышать скоро будет нечем от выхлопных газов, пыли. Теперь одно развлечение и у стариков и у детей – телевизор, видики со всей их дурью и пожиранием времени. С младенчества культивируем лень, гиподинамию и атрофируем всякие творческие и трудовые инстинкты.

И вот ведь удивительно, теперь часто соседи по подъезду и даже лестничной площадке почти не знают друг друга и не стремятся к познанию ближних. Пожалуй, самая распространенная форма общения, это удары по трубам парового отопления с требованием «прекратите, дескать, шуметь, чего разгалделись, нет покоя...» Или какая-нибудь коллективная жалоба в ЖЭК. И все... Этим чаще и исчерпываются добрососедские отношения в наших многоквартирных бетонках. Бывает, умрет в своей благоустроенной квартирке одинокая старушка или старик, а родичи или соседи только через неделю это обнаружат, да и то не сами, а чаще их собачки за-

беспокоятся, учуют... Редко между жильцами одного дома завязывается что-то вроде дружбы, обычно, для этого нет точек соприкосновения, какие бывали между соседями частных домов одной маленькой улицы.

Так и старых-то моих соседей разметала жизнь в разные стороны, многих уже и нет в живых, а об иных и вспомнить почти некому.

С грустью захожу я иногда в асфальтированный огромный двор, что теперь на месте нашей, когда-то утопавшей по весне в яблоневои цвете, запахах цветущей сирени и зелени молодой листвы кленов и тополей Омской улицы. Кажется, ни одного прежнего дерева не сохранилось, ни клена, ни тополя, ни высоченных яблонь-дичков, а уж про черемуху, которую посадил под окном еще отец, и вспоминать не хочется – все кануло, все минуло... Каким-то чудом уцелела, торчит из земли одна железная рельса, когда-то она служила основанием деревянного столба электропроводки и на этом столбе горел и раскачивался в пуржистые зимние ночи электрический фонарь, освещающая заснеженную дорогу, по которой ушло наше детство.

УЛИЦА ДЕТСТВА

Грустное чувство охватывает, когда, случайно, после многих лет отсутствия попадаешь в места, где прошло детство.

Тебя уже никто здесь не знает и не помнит. Сколько лет прошло – тридцать, сорок или уже целый век канул в бездну? Те же, кажется, переулки, домишки, дворы, по которым когда-то носился с утра до вечера с соседскими мальчишками, играл в чижу, в прятки и какие-то военные игры. Да нет, многих строений уже не найти, иные совсем развалились, и даже тот двухэтажный кирпичный дом, в котором жил в те годы в квартире под номером тринадцать на втором этаже, даже этот дом постарел, стал, кажется, пониже ростом. Молоденькие же тополя и клены с той поры вымахали выше дома и почти закрывают его со стороны дороги. Правда, дорога все та же, те же колдобины и те же лужи с вечной грязью. Так же по ней грохочут панелевозы и грузовики.

И двор, в котором я жил, состарился, одряхлел, облупились стены домов, выросли новые деревья, заросли кустарников, почернели и покосились сарайки. И люди, что населяют этот двор, уже иные, а из тех прежних жителей двора никого уже и не найти. Старики ушли, молодые постарели, кто-то из моих сверстников уехал, кто-то спился, кто-то умер. И памяти ни о ком из прежних обитателей не осталось в старом дворе.

Другие люди, другие песни, другая жизнь.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

За окном, затянутым толстой железной решеткой, стучал дождь, струи воды стекали по стеклам, барабанили по жестяной крыше, взрывались фонтанчиками на старых облезлых рамах, смывая с них последние ошметки грязно-коричневой краски. Низкая пелена серых тяжелых туч висела над миром.

«Беспросветно, – вздохнул молодой врач Сергей Угрюпин, еще вчера, то есть три месяца назад, выпускник медицинского университета, питавший надежды на самое радужное будущее, а ныне штатный сотрудник Держиколдобинской районной больницы, – бесконечная череда больных, суета, сутолока, нервотрепка, вечная борьба за существование. Ни сна, ни отдыха... Беспросветно...»

Угрюпин оторвал поникший усталый взгляд от унылого мокрого и серого ландшафта за окном, еще раз вздохнул и, подойдя к двери кабинета, крикнул:

– Следующий!

В дверь, робко поглядывая по сторонам,

вошел невзрачный лысоватый мужичок среднего роста и тихо подошел к столу.

– Присаживайтесь, – Угрюпин радушно ткнул пальцем в направлении стула для пациентов и, подождав пока мужчина присядет, вопросительно посмотрел на него.

Пациент оказался сообразительным:

– Беспокоев Николай Васильевич, – тихо произнес он, кивнув на грудку больничных карт на краю стола. – Вот, вторая книжка справа, – и пациент услужливо пододвинул Угрюпину историю болезни.

– На что жалуетесь? – Угрюпин ободряюще взглянул на пациента, раскрывая книжку и приготовившись записывать общие симптомы очередного ОРЗ.

– На жизнь, доктор, жалуюсь, на жизнь...

– Нет, это слишком обще. На нее нынче все жалуются. Постарайтесь конкретизировать причину вашего недуга. Что там у вас: кашель, температура, насморк?

– Так, доктор, милый, я же и говорю: жизнь. Мир вокруг меня, существующая вселенная...

– Так не пойдет. Медленно, без спешки, с самого начала.

– Хорошо, доктор, сначала так сначала. Видите ли, первые сорок лет своей жизни я был вполне счастлив. Я обитал в радостном,

сверкающем всеми красками бытия мире, я наслаждался всеобщей гармонией того мира, состоянием эликато...

– Простите, чем?

– Видите ли, доктор, в вашей вселенной это отсутствует, и в земных языках этому термину я не нашел никаких подходящих аналогов, придется обойтись без перевода, согласитесь, невозможно объяснить слепому от рождения, что такое краски и свет. Поэтому просто «эликато». Впрочем, я отвлекся. Да, та моя вселенная была полна гармонии, красок, множества предметов и вещей, которые просто немыслимы здесь в вашем мире, с его дикими законами. Я был дитем другой вселенной, ее частью, если хотите, ее смыслом, ее божеством. Эликато... У нас там, это, конечно, примитивное объяснение, чувства, мысли и стремления всех обитателей мира взаимно согласованы и непротиворечивы. То есть там изначально присутствует такая степень гармоничности мира, которая здесь никому и не снилась. И вот вдруг какой-то дикий диссонанс в моей душе, что-то происходит. Что? Мне в этом еще необходимо разобраться! И я просыпаюсь. О! Ужас! Здесь в этом вашем мире. Здесь на вашей Земле, в этой Вселенной номер шесть. Естественно, порядковый номер я привожу услов-

но. И вот я уже почти десять лет отбываю в вашем мире. Какое преступление я совершил там, в своем родном континууме, за что, почему я здесь? Помогите, доктор, помогите!!! Все беспросветно... Бесконечная череда больных дней, суета, сутолока, нервотрепка, вечная борьба за существование... Ни сна, ни отдыха... Беспросветно... Помогите, доктор, помогите!!!

Угрюпин внутренне похолодел: «Кажется, псих? Вот напоролся... И чего это его ко мне-то понесло?»

– Г-хм! Ну что вы, голубчик, нельзя же так! – выдавив из себя добродушную улыбку, пробормотал Угрюпин. – Конечно, наше с вами мирозданье – не сахар и даже не вода с сиропом, но так-то уж зачем? Живем же потихоньку, колотимся, вот даже планы какие-то радужные кое-кто на будущее строит. А вы сразу: помогите! Вы что же думаете, я всем в этом мире доволен или другие? Увы, причин для тоски всегда хватает. И это не повод к отчаянью! Надо бороться! Мир нам с вами, скорее всего, не переделать. Надо начинать с себя... И потом, очевидно, вы что-то спутали, я ведь всего лишь участковый терапевт, моя задача – лечить, по мере сил и знаний, телесные недуги, а у вас, извините, кажется, проблемы больше душевного свой-

ства... Ради бога, не обижайтесь, возможно, вам лучше обратиться к специалистам в данной области. Если хотите, я дам направление...

– Доктор, был я у них, был. Если вы о психиатрии? Меня Разгуляев Бонифаций Петрович там пользовал. Результаты нулевые.

– Простите, Николай Васильевич, вы на учете в психоневрологическом? Вас ведет Разгуляев?

– Да, – смиренно кивнул Беспокоев.

– И что же? Я не совсем понимаю. Разгуляев отличный специалист. И потом, вы, видимо, спутали, я даже не психотерапевт, правда, я увлекался в институте исследованиями в области высшей нервной деятельности, но пока... У меня и в обычной-то терапии еще очень мало опыта... Я боюсь, не смогу вам чем-либо помочь...

«Так вот нарвешься на какого-нибудь. Впрочем, этот вроде тихий. Главное, не противоречить.»

– Да вы не волнуйтесь, доктор, – успокаивающе заметил Беспокоев. – Мне от вас ничего такого сверхъестественного-то и не требуется. Так, выслушайте, может, сумеете помочь в моем случае. Разгуляев, да, наверное, специалист хороший, но меня он понять не может, и с диагнозом его я не согласен. А

кроме него у нас здесь только вы в этом еще хоть что-то смыслите, а остальные совсем пеньки. То есть извините, я не хотел никого обидеть...

– Что вы, какая обида, я даже польщен оказанным доверием. Хорошо, голубчик, успокойтесь, расслабьтесь, не напрягайте мышцы, постарайтесь мысленно оставить все, что вас мучит, там, за дверью, и расскажите мне, что с вами. Ну, смелее.

– Доктор, вы здесь родились, свыклись со всем, да и другой вселенной в глаза не видели, вам проще, а мне... Помогите! Верните меня в мой мир! Мир Эликато. Я не могу здесь у вас, не могу. Весь этот идиотизм повседневности, жестокость... Хотите, я перед вами на колени встану, только помогите!

– Нет! Голубчик, поднимитесь сейчас же, вы же взрослый человек, что это за театральные штучки? Чем же я могу вам помочь? Я бы и сам рад что-нибудь изменить в существующей вселенной, да, увы, руки коротки...

– Доктор, плевать мне на вашу вселенную. Менять в ней что-либо или не менять, это ваши внутренние, так сказать, проблемы. Я в это не собираюсь вмешиваться! Вы помогите мне вернуться в мой мир! Мир Эликато!

«Час от часу не легче, – подумал Угрюпин, внутренне подобравшись и готовясь к худшему. – И куда это Разгуляев смотрит, хоть немного бы присматривал за своими пациентами... Сейчас хрястнет меня этот тип вон той вазочкой по голове и – прощай Вселенная номер шесть... Нет, надо осторожнее. Со всем соглашаться... Главное, не противоречить...»

– Милый вы мой, голубчик, – ласково произнес юный доктор, внутренне содрогаясь, – от меня-то вы чего ждете? Скажите, объяснитесь, я все для вас... что в моих силах... Транквилизаторы... Галлюциногены... Циклодольчик... Что там у нас еще в активе для измученных душ? Вы не стесняйтесь, говорите.

– Гипнотическое внушение, – спокойным и вполне уже уверенным голосом произнес Беспокоев. – Мне говорили, что вы владеете навыками гипнотерапии и достаточно сильны в этой области.

– Ну, едва ли вам это поможет, голубчик. Разве Разгуляев, уж он-то специалист, не пробовал применять гипноз? Однако стойкой ремиссии, видимо, не возникло?

– Какая ремиссия! Этот идиот, простите, ваш коллега, пытался заставить меня под гипнозом забыть мой мир, мою вселенную,

из которой я пришел сюда. Как я могу ее забыть, как?! Подумайте сами, вы могли бы забыть свое розовое детство, своих друзей? И после этого у вас бы наступило улучшение? Это же абсурд! Впрочем, все здесь у вас сплошной абсурд! О, если бы я только владел самовнушением так сильно, что мог бы заставить себя покинуть этот ваш чертов мир! Но этого мне не дано! Не дано! Поэтому я и пришел к вам! Помогите!

– Успокойтесь, Николай Васильевич, успокойтесь, медицина вам поможет. Она всегда всем помогает, особенно, в этом вопросе. Я имею в виду ваше желание покинуть этот мир. Сделаем все, что в наших силах. А теперь еще раз и медленно: чего вы от меня ждете?

– Наконец-то, наконец-то, доктор! Я вам верю, вы поможете. От вас требуются сущие пустяки. Пожалуйста, умоляю, введите меня в гипнотическое состояние, а затем медленно заставьте почувствовать мою родную вселенную, ее краски, свойства, ее обитателей и подведите меня к ней, к выходу из вашего мира... И возможно, тогда, поймите, это мой последний шанс, мне удастся выпрыгнуть из этой вашей вселенной и попасть в мою... Мир Эликато...

«М-да, тяжелый случай, пожалуй, даже

безнадежный... Главное, не перечить пациенту...» – юный Угрюпин тяжело вздохнул:

– Что ж, попробуем это средство, сядьте в то кресло в уголке и постарайтесь расслабиться... Однако, как мне удастся найти для вас дорогу в мир, в котором я сам никогда не был, этого я пока не представляю. Мир Эликато...

– Начинайте, доктор, там я сам ориентируюсь...

Угрюпин с тоской оглядел измученную съежившуюся фигурку пациента в кресле, вытер тыльной стороной ладони выступивший на лбу пот и начал:

– Ваши веки закрываются, тяжелеют... Приятное тепло разливается по всему вашему телу...

Примерно после пятиминутных усилий Угрюпин пришел к выводу, что он еще очень слабо владеет техникой гипнотического внушения, а больной трудно поддается внушению. Однако спустя еще пять минут все же удалось ввести Беспокоева в гипнотическое состояние, и они начали путешествие в подсознание пациента. Все складывалось более-менее успешно до тех пор, пока Угрюпин не пробовал вернуть пациента к событиям более чем десятилетней давности или напрямую обратиться к

воспоминаниям о его детстве. Здесь происходил какой-то сбой, и Беспокоев, совершенно отвлекаясь от своей частной жизни, начинал выдавать газетную хронику тех времен, цитировать речи генеральных секретарей и председателей, совершенно не вспоминая о себе и своей личности.

«Хм. Такое впечатление, что как человека его и в самом деле не существовало в нашем мире в те времена. Какой-то барьер в подсознании... Что же делать? Как его успокоить?»

И Угрюпин, почти ни на что не надеясь, продолжал:

– Нет, о целине пока не будем вспоминать. Оглянитесь вокруг себя в то время. Где вы? Вам хорошо! Вам хорошо! Вокруг вас только хорошее. Вокруг вас все вам родное и близкое. Вокруг вас ваш любимый мир... Мир Эликато... – последнее слово Угрюпин произнес, уже ни на что особо не рассчитывая, просто это непонятное ему слово пациент в их предварительной беседе употребил несколько раз, для Беспокоева оно, очевидно, имело какое-то значение, и Угрюпину вдруг показалось любопытным, какой эффект произведет это слово на больного в гипнотическом состоянии.

Эффект оказался совершенно неожиданным.

По телу пациента прошли судороги. На лице Беспокоева возникла счастливейшая улыбка, губы его приоткрылись и прошептали:

– Спасибо, доктор...

И вслед за этим в замкнутом пространстве маленького кабинета раздался не то щелчок, не то хлопок. Угрюпин так и не сообразил, что это был за звук, да и не до этого ему было. Дикими, круглыми и вытаращенными глазами он смотрел на кресло, в котором еще за секунду до этого находился больной, а ныне, точно остатки лопнувшего воздушного шарика, валялась скомканная одежда Беспокоева. Сам же пациент попросту растаял в пространстве.

Минуту или две юный Угрюпин находился в состоянии устойчивого столбняка, потом подскочил к креслу и, сдернув с него одежду Беспокоева, стал лихорадочно перебирать оставшиеся от визита пациента предметы, точно надеялся в складках рубашки или пиджака отыскать затаившегося шутника-сумасшедшего.

– Как же это? Как же? Что же это такое? Я что с ума схожу? Как это возможно?

Так и не получив ответов на все эти вопросы, сам совершенно больной и измученный, Угрюпин поспешно запахал одежду пациента в шкафчик, немного отдышался и продолжил прием больных.

В этот же день, после окончания дежурства, чувствуя, что сам начинает сходить с ума, Сергей Угрюпин нанес визит Бонифацию Петровичу Разгуляеву.

Выслушав рассказ своего юного коллеги, старый доктор поморщился и печально покачал головой:

– Исчез, говорите, прямо из кабинета. И что же вас смущает?

– Как что? Я же с ума схожу!

– Успокойтесь! Вы вполне здоровы. Конечно, если бы я не общался до вас с этим нашим Беспокоевым, можно было бы и усомниться. А так...

– Вы с ним долго работали?

– Да. Тяжелый случай. Я давно чувствовал, что с этим больным что-то не то. А когда сеанс проводил, сам испугался. У меня хороший контакт с пациентами во время сеанса, а в случае Беспокоева воздействие было таким сильным, что я почувствовал, еще немного – и меня вместе с ним засосет в какую-то неведомую воронку, я прекратил

эксперимент, попытался заставить больного забыть этот навязчивый бред...

– Вы полагаете, у него был бред? Как тогда объяснить это исчезновение?

– Объяснений, милый мой Сережа, я вам при желании с десятков выдам – и все они будут вполне правдоподобны или достаточно безумны, это как вам больше нравится, но что мы сможем из них извлечь, какую истину?

– Практика – критерий истины.

– Хм. Это вы хорошо вызубрили, но, увы, один эксперимент ничего не доказывает, нужна повторяемость результатов.

– По-вашему, Бонифаций Петрович, этот случай с Беспокоевым лучше забыть?

– В этом мы не властны. Помнить или забыть – от нас с вами, юноша, не зависит. Один известный вам философ утверждал, что идеи правят миром. А другой мудрец уточнил, дескать, нет ничего сильнее идей, которые овладели широкими народными массами.

– Вы хотите сказать...

– Именно. Любой параноический бред достаточно сильной личности может захватить умы множества людей, подчинить себе целые страны и стать явью. Что я вам толкую. Сами знаете, вся история человечества пол-

на ярких примеров, подтверждающих эту мыслишку. Люди любят глупости. Я даже подозреваю, мой милый Сережа, что это наша привычная среда обитания, мы без них, без глупостей, возможно, просто не в силах существовать. Естественно, у каждого свои излюбленные глупости, тайные или явные, свой уровень...

– Мне кажется, Бонифаций Петрович, мы удаляемся от нашей темы.

– Нет, это тоже заблуждение, я все о том же. Этот наш Беспокоев успел смутить только наши с вами души своим исчезновением и рассказами о неведомом мире. А мог бы... Да, из таких, как он, получаются вожди, религиозные реформаторы, мессии, словом, фанатики идеи. Я, признаться, просто счастлив, что он исчез. Хотя, возможно, вы, Сережа, сочтете меня консерваторм, но я убежден, что дальнейшее присутствие этого Беспокоева в нашем мире ни ему самому, ни нашей с вами Вселенной номер шесть ничего радостного бы не принесло. У него больное сознание.

– Вы в этом убеждены?

– Да. В противном случае нам бы с вами пришлось принять за истину противное, то есть признать себя больными, а как вы понимаете...

– Ясно... – вздохнул Угрюпин. – Для душевного спокойствия, конечно, так проще. К чему манить несбыточным, не так ли?

– Верно. Впрочем, поверьте, Сергей, я не пытаюсь оказывать на вас какое-то давление. Я вижу, вы сами все прекрасно понимаете. Это в вас говорит пыл юности, те самые прекрасные глупости, о которых мы упоминали. Я дал вам совет – забыть! Ваше дело – воспользоваться этим советом или нет. Если же говорить серьезно, вполне допускаю, что этот наш Беспокоев и не был человеком. О! Видите, как вы, юноша, сразу вострепнулись. Эх, молодость! Конечно, сумасшедшим, тихим психом, считать его проще. Если же предположить, хотя бы на миг принять версию самого Беспокоева, что он существо иной вселенной... Этаким падший ангел или демон, сосланный в наш мир из какого-то иного мира, то, вы меня понимаете?

– Пока, честно говоря, не совсем. То есть я еще не вижу ничего такого крамольного в этой мысли. Да и многочисленные мифологии эту мысль много раз варьировали.

– Было! Было! Рай и Ад! Изгнание из Рая. Да, но... К тем мифам человечество уже адаптировалось, переболело ими, а у нас тяжелый случай.

- Тяжелый случай?
- Именно. Вы внимательно слушали Беспокоева?
- Да.
- Тогда вспомните его рассуждения о прекрасном, гармоничном, райском, можно сказать, местечке, где он был богом, или почти богом. Было такое?
- Было.
- А как он охарактеризовал наш с вами мир?
- Не очень лестно.
- О! Ему этот мир представляется Адом, в который он угодил за какие-то прегрешения в том своем расчудесном мире.
- Кажется, понимаю.
- Отрадno слышать. И вам уютно? Это наш-то лучший из миров, вмещающий в себя столько всего, столько всяких прелестей и пакостей, столько мук и радостей, окрестить Адом.
- Все познается в сравнении.
- И это верно. Ему, нашему пациенту, возможно, было с чем сравнивать, а нам? Молчите?
- Печален мир, тоска моя земная...
- Вот. Вас уже понесло. Боюсь, Сергей, вам не спастись. Этот дьявол Беспокоев вас совратил. В душе вы уже предали нашу

родную бедную Вселенную номер шесть. И теперь будете тосковать о неведомом. Этого и я боялся во время сеанса с нашим знакомым.

– Вы считаете, Бонифаций Петрович, я сойду с ума?

– Зачем же так сразу? Такое может с другими случиться, а у вас-то есть выход.

– Выход?

– Не прибедняйтесь, Сереженька, вы же после общения с нашим общим знакомым владеете формулой.

– Какой еще формулой?

– Формулой перехода из нашего мира в какой-то параллельный мир. Для простоты можно назвать это магической формулой, точнее, заклинанием.

Угрюпин вновь похолодел:

– Бонифаций Петрович, вы считаете, я тоже могу?

– Можно попробовать, но я вам этого категорически не рекомендую.

– Но почему?

– Опасно. Все в мире относительно. Наверное, и в других мирах этот принцип действует. Есть такая штука – ностальгия. Не исключено, – это еще одна из моих гипотез, – что наш Беспокоев мучился именно этой болезнью. Место, которое он считал

раем, поскольку сам был оттуда родом, при ближайшем беспристрастном рассмотрении для вас, пришельца, вполне может оказаться чем-то иным. И тогда вам срочно понадобится для возвращения сюда какой-нибудь тамошний психотерапевт. А вот отыщете вы его в том раю-аду, этого не знаю. И сумеет ли он вас отправить по назначению – это вопрос. Впрочем, мы заболтались. Завтра трудный день. Надеюсь, коллега, мы с вами еще поработаем на благо нашей родной вселенной, и, право, не важно под каким она номером проходит в каком-то там небесном списке. Кстати, в отсутствии всеобщей гармонии тоже есть свои приятные стороны.

– Да, конечно. Радость творения, вы об этом?

– И об этом тоже. Вот видите, начинаем понимать природу, взрослеем.

Выпроводив гостя, старик Разгуляев пошел к окну подышать свежим воздухом. За окном моросил бесконечный дождь. Унылая вязкая темнота уже кутала землю.

«Беспросветно, – вздохнул Бонифаций, – вот так всегда – суета, сутолока, нервотрепка, борьба за существование... Ни сна, ни отдыха... Беспросветно...

И Беспокоев, значит, удрал, дезертировал... Вот кадры. Кого теперь пришлют? И когда еще? Дождись... Всем райские кущи подавай. Легкой красивой жизни ищут... А в этой заштатной Вселенной номер шесть торчать, кроме меня, похоже, никто не собирается. Эх! Может, тоже плюнуть на все и смотаться в мир Эликато!»

Соблазн был велик...

В ГОСУДАРСТВЕ «N»

Сказочка

Это случилось в государстве «N» в те времена, когда верхи уже не могли управлять по старому, а низы, ну, никак не желали жить по-новому.

Взаимное же непонимание всех и каждого усугубилось настолько, что, казалось, дети и родители говорят на разных языках, а начальство и их подчиненные обитают, если не в параллельных вселенных, то в мирах почти не пересекающихся.

Что же касается правителей той страны, то они настолько были огорчены поведением подданных, что мечтали извести их всех с корнем, а откуда-нибудь из соседней галактики выписать новую улучшенную породу сограждан, которые бы с восторгом воспринимали все их начальственные начинания. Ну, а пока с улучшением породы подданных дела обстояли не самым лучшим образом, правителям от большого огорчения приходилось пить горькую и оплакивать свою незавидную судьбу – подумать страшно, как им

не повезло горемычным: и государство подвернулось какое-то недоделанное, и народец все больше злокачественный, паскудный, прямо скажем, народец, пакостный, и времена какие-то нервно-паралитические. И чиновники-исполнители, ну, почитай, почти все как один страдают kleptomанией и мохнатолопостью. Словом, всюду клин. Вот в этот-то самый жуткий момент истории означенного государства на прием к вице-канцлеру записался по важному государственному делу некий П.К. Перемыкин. Вице-канцлер, внимательно ознакомившись с досье на посетителя: ботаник-любитель, пенсионер, рост метр семьдесят без трех миллиметров, образ мыслей самый благонамеренный, то есть ничего, ну, никаких таких мыслей у Перемыкина в голове пока выявить не удавалось, был несколько заинтригован. За все те годы, что он находился за пультом госаппарата в «Н», это был, кажется, первый случай, когда к нему на прием записались не по личному делу и не с намерением дать на лапу, а по делу государственному. Вице-канцлер давно уже позабыл, что это за дела такие государственные, и из любопытства и будучи в благодушном расположении встретился с Перемыкиным П.К.

Посетитель оказался худощавым седым

старичком с маленькими пронзительными глазками и несколько припухшим красноватым носом.

Начал старичок свою речь несколько виетивато и застенчиво:

– Будучи наслышан о бедах и горестях нашего родного «N» отечества и памятуя о печалях и заботах руководства приношу к стопам вашим в некотором роде проект улучшения характеров и породы граждан наших и воспитания в оных трепета и восторга пред избранниками своими.

– Гм! – задумчиво проронил вице-канцлер, отпивая из бокала, что стоял перед ним на столе, несколько глотков хереса. – Изложите суть! И покороче – у меня для вас мало времени. Если вы с проектной документацией по строительству новой государственной тюрьмы в окрестностях столицы, то у меня в сейфе уже лежат восемь папок с чертежами.

– Нет! Нет! – покачал головой Перемыкин. – Это не выход. Лагеря, тюрьмы – это уже было, дорого и малоэффективно. Мое решение проще и, не побоюсь этого слова, гениальнее.

– Гм! – задумчиво проронил вице-канцлер, вновь отпивая из бокала, что стоял перед ним на столе, несколько глотков хереса.

Перемыкин боязливо огляделся по сторонам и, убедившись, в относительной пустынности кабинета, осторожно приблизился на два шага к вице-канцлеру и прошептал:

– Разброд и шатание...

– Что!?

– Я говорю, разброд и шатание в отечестве нашем, ваше сиятельство. Развал всего, крушение идеалов, так сказать.

– Короче!

– Да, ваше сиятельство, так я и говорю. Я что предлагаю? Средство одно для спасения государства – срочно выдумать новые идеалы, плевать какие, лишь бы попривлекательнее для публики, чтобы втравить всех в их защиту, создать обстановку здорового энтузиазма в массах, а там появятся свои фанатики идеи, проповедники, святые, великомученники, герои и жертвы. Сами понимаете, ваше сиятельство, новым идеалам без новых жертв никак не обойтись.

– Гм!

– Да, да, но, если энтузиазм проповедников новых идеалов достигнет своей критической, извиняюсь, оговорился, критической массы, тогда порядок, тогда великолепие: народ, государство, все в едином порыве, все как один. Никто уже и не пикнет!

– Гм!

– Да вы не сомневайтесь, ваше сиятельство, средство верное, веками проверенное. О том, что идеалы ветшают, выходят из моды, об этом еще в глубокой древности самые сообразительные мужи догадывались. И так сказать, разнообразили меню для публики. Но всегда опирались на идеи, способные сплотить гражданов и гражданок и направить излишки их энергии в нужном направлении. Будь то строительство пирамид, отыскание царства небесного, возведение светлого будущего, насаждение демократии, искоренение ереси, разведение кактусов, завоевание мира или покорение космоса и океанов.

– Гм! – промычал вице-канцлер, отпивая из бокала, что стоял перед ним на столе, несколько глотков хереса. – Идея ваша особой новизной не отличается. Было все это, а дважды на один фокус, мой любезный, сами знаете, публику не купишь!

– Нижайше извиняюсь, но в этом пункте, позвольте, ваше сиятельство, не согласиться. В большинстве своем публика истории не изучает и обожает фокусников, которые ее облапошивают. Фокусы же могут быть самые древние и проверенные, главное, слегка модернизировать их применительно к текущему моменту, ну и...

– Короче! Что вы предлагаете?

– Новую сказку, в которую бы с удовольствием поверило большинство. Первое: сказка должна быть увлекательной, будоражить воображение и куда-то вести, куда – не суть важно. Второе, сказка должна быть созидательной, то есть заставлять трудиться. И третье: сказка должна воспитывать уважение к старшим и иерархическим ценностям, укреплять государственные основы.

– Хм! И где ж нам взять такую сказку? – промычал вице-канцлер, отхлебывая очередной глоток хереса.

– Ваше сиятельство! Любая новая сказка – это всего лишь забытая старая история, в которой слегка модернизированы герои и декорации. Однако чем хороша именно новая сказка? Тем, что к ней еще у публики иммунитет не выработался, поясню, новый слегка измененный вирус того же гриппа вызывает заболевание в организмах миллионов, а вот повторно вызвать заболевание тот же вирус уже не может.

– Хм! Короче!

– Минутку терпения, ваше сиятельство! То, что предлагает ваш покорный слуга, не ново, и было открыто на Востоке в древние времена. Я имею в виду сказки Шахерезады. Это ведь она, голубушка, вешала, так

сказать, лапшу на уши своему повелителю в продолжении тысячи и одной ночи. Моя идея вытекает из этих историй. А почему бы, подумал я, наоборот, повелителю...

– Э! Милый! – хмыкнул вице-канцлер. – Вы что же, по своей наивности, предполагаете, что мы этого не делаем?

– Нет! Нет! Конечно, министр пропаганды и другие лапшу вешать умеют. И сказки они рассказывают на тему, как заботятся о благе народа. Беда в другом, эти сказки старые, к ним привыкли, никто в них не верит, кроме уж самых отпетых дураков. Я предлагаю другое. У нас совершенно бездарно используется такое средство как телевидение. Подумайте, ваше сиятельство, сотни и тысячи часов телевизионного времени расходуются на бесконечные телесериалы о жизни различных Изаур, Мариван и всяких там Хосе-Леонсиов. И что мы имеем? Публика от них в восторге. У нас им собираются ставить памятники. Называют бедных новорожденных их именами! Думаю, какие-нибудь «Просто Мария» или Мэйсон вполне могут соперничать на президентских выборах с самыми шустрými из наших политиков и даже победить. А вы, ваше сиятельство, упускаете такую возможность!

– Вы что же предлагаете мне?! Мне!?

– Именно! Именно! Ваше сиятельство! Нельзя терять время! Надо использовать принцип «Тысячи и одной ночи». Срочно заказать сценаристам многосерийный телесериал на вечные житейские темы, но с главными героями и героинями из верхушки нашего госаппарата и правительства. Главными положительными и любимыми героями и героинями должны стать образы Ваш и ваших сторонников, а злодеями и негодьями, так сказать, конкуренты из оппозиции. В таком телесериале должно быть все: любовь, ненависть, происки экстремистов, предательство коварных сановников, измены героинь и их самопожертвование, ну, неплохо бы добавить разумную дозу здорового животного юмора – и все, порядок! Любовь и преданность зрителей вам обеспечена.

– Вы в своем уме? Предлагаете нам устраивать такую теле-клоунаду?

– Нет! Нет! Ни в коем случае! Чем меньше Вы и ваши соратники будут появляться на экранах, тем лучше для нашего замысла. Многих политических деятелей да и бездеятелей губит, что называется, желание выпендриться, к месту и не к месту, вылезть на публику, на экраны и покрасоваться во всей своей, так скажем, неоднозначности. Ну, Вы меня понимаете. Пресса у нас обожает вся-

кие ненужные, искажающие образы государственных мужей подробности их личной жизни. К примеру, о расстройствах желудка у министра финансов, о запорах и клизьмотерапии у министра иностранных дел. О запоях, простите, у вице-канцлера и некоторых других особ королевской фамилии и так далее. И все бы ничего, и эти подробности можно было бы использовать на пользу вашему сиятельству и нашему родному «Н» государству, но подавать их требуется в должном оформлении и с нужным гарниром, а бестактные журналисты этого не умеют.

– Так! И что?

– Нашим телесериалом мы бы нанесли враждебно настроенной прессе и всем противникам вашего сиятельства, так сказать, превентивный удар. Все факты и сплетни, которые явно не удастся скрыть, будут обработаны литературно, пройдут соответствующую режиссуру и обрушатся на головы миллионов телезрителей всего мира в нужном Вам ракурсе! Ну? Как Вам, ваше сиятельство, моя идея?

– Гм! И что?

– Таким способом удастся откорректировать образы главных государственных мужей в сознании миллионов избирателей. Уверен, телесериал о жизни и приключениях

государственных мужей нашего родного «Н» отечества будет пользоваться безграничной любовью и популярностью зрителей. Массовый зритель полюбит, наконец, главных героев, сживется с ними, стерпится-слюбится, – за тысячу серий, поверьте, и в Змея Горыныча можно заставить публику влюбиться.

– И что?

– Победа демократии на выборах!

– Хм. А почему вы, любезный, уверены в победе?

– Как же! Как же! Зритель привыкнет, ему захочется еще тысячу серий в следующие четыре года, а если не победят его любимые герои?

– Хм. Тогда появится новый телесериал с героями из нашей оппозиции, ты об этом?

– Так точно, ваше сиятельство.

– Хм. И как все это осуществить?

– У меня все продумано, разработано в деталях. Привлечем лучших актеров, загримируем под требуемых персонажей. Компьютерная технология! Психологи-консультанты! Светила психиатрии! Дизайн! Музыкальное оформление! Режиссура каждой серии! Естественно, мне бы хотелось получить должность главного режиссера и сценариста. Я вот давеча, ваше сиятельство, набросал на-

звание некоторых серий нашего будущего фильма. Извольте взглянуть.

И старичок Перемыкин вынул из папочки несколько листков с записями и с поклоном положил на стол перед вице-канцлером.

Отхлебнув из бокала очередную порцию хереса, вице-канцлер воззрился на положенное перед ним творение Перемыкина и остолбенел.

«Тайная любовь премьер-министра. Предыстория. Как они встретились, как расстались. Плоды страсти.»

«Юные годы вице-канцлера. Босоногое детство. Кто его родители? Не исключено аристократическое происхождение. Подкидыш в простой крестьянской семье. Изучение азов наук в начальных классах сельской школы. Краткий курс – любовь моя...»

«На службе у народа.»

«Вице-канцлер и премьер борются с двенадцатиголовой гидрой инфляции. (Эпическое полотно в героическом стиле. Возможны фантастические аллегории и использование спецэффектов.)»

«Поединок вице-канцлера с Зеленым змием. Преодоление последствий алкогольной депрессии. (Важно показать, что пьют руководители: коньяк, хорошие сорта вин, херес, к примеру, – сие показатель тонкого вкуса.

Почему пьют, тоже важно. Дабы расслабиться после непосильных трудов по управлению нашим родным «N», от безысходности, заливают тоску по лучшей жизни народной и т. д.)»

«Происки врагов. Министр обороны и Джеймс Бонд. Попытка вербовки, неудача агента 007 и, соответственно, удача министра».

«Министр финансов и сексуальные меньшинства. Тайны вкладов. И т. д.»

Много еще чего было на листках Перемыкина, от названий некоторых серий будущей телеэпопеи просто лысина шевелилась и мороз по спине трещал сорокаградусный у вице-канцлера.

Перемыкин же, понаблюдав за выражением лица его сиятельства, невозмутимо заметил:

– Это у меня предположительный список серий, рабочий вариант, всегда можно подкорректировать в ту или другую сторону. Принцип подбора тематики простой: правда, сплетни и явный бред смешиваются в должных пропорциях, добавляется лирика, мелодраматический соус, исторические аллегории. Вторым планом идут заботы о счастье народном, борьба лучшего с хорошим и плохого с очень плохим. Конечно,

немножко секса, без этого сейчас не обойтись. Что еще? Динамика. Мордобой между парламентариями, перестрелки в парламенте и его окрестностях. Полагаю, успех сериала стопроцентный. Конечно, для этого понадобятся кое-какие финансовые вложения, но все окупится в течение первого же года показа. Да что я говорю, в первые же месяцы окупится. За размещение рекламы во время показа фильмов миллионы получим. И согласие и спокойствие в нашем родном «N» в ближайшие годы, я, ваше сиятельство, уверен, воцарятся ко всеобщему удовольствию. И народ наш весь в едином порыве в борьбе за счастье любимых героев своего любимого телесериала будет трудиться и, если потребует, и недоедать, лишь бы хватило средств на просмотр очередных серий.

– Хм. Плесните-ка мне в бокал из бутылочки, дружок, что-то у меня сердчишко прихватило от ваших перспектив. Оно, конечно, может, и так, однако кабы... Слишком уж крутое средство вы предлагаете... Хотя, оно, конечно, что-то в этой вашей идейке есть. Но уж больно круто заложили.

– Пекусь о благе родного нашего «N» отечества, – пробормотал огорченный Перемы-

кин, нутром чувствуя, что к его крайнему средству власти еще не готовы. – Мое дело предложить. Скоро выборы, ваше сиятельство, сами знаете. А популярность в народе многого стоит.

– Хм! – пробормотал вице-канцлер, отхлебывая из бокала очередную порцию хереса. – Будем думать. Примем к сведению. Ждите указа.

Перемыкин с достоинством поклонился и вышел.

1995 г.

**КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ
РАЗРУШЕН,
ИЛИ
ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ**

Историческая фантастика

Рассказывают, что при вступлении в должность каждый очередной правитель города-государства Карфаген давал обещание:

– Карфаген должен быть разрушен!

И разрушал потихоньку, поскольку ему это было легче всего, ведь он управлял этим самым Карфагеном.

Так этот самый Карфаген и был разрушен, главным образом, усилиями своих правителей и высших чиновников. Римляне же всего лишь приписали себе чужую славу.

Однако, как говорил один мудрец, традиция осталась. И вступая в высшую государственную должность Римской Империи каждый новоиспеченный император спешил дать клятву:

– Рим падет к моим ногам! Сделаю все для разрушения вверенного мне государства!

Сейчас уже трудно установить, давалась ли такая клятва принародно в сенате, или в узком кругу придворных единомышленников, или только мысленно императором самому себе, но, как говорится, не словом, но делом доказывалась верность традициям.

И делали эти самые императоры все возможное, чтобы осуществить свое тайное, а порой и явное желание. Как известно, особенно преуспели Нерон, Калигулла и кое-кто из последних властителей и их соратников.

Ну, конечно, славу разрушения Рима приписали себе всякие гунны, атилы и прочие варвары и пальцем не пошевелившие в действительности, чтобы разрушить Рим. Приписывать себе чужую славу – это тоже древняя традиция.

После Рима, как и намечалось, была Византия. И при восшествии на престол каждый басилевс этого славного государства давал себе клятву: «Сделаю все, что в моих силах, дабы...» И наконец, Византий (он же Константинополь и он же Царьград) был благополучно разрушен. Стоит ли упоминать, что турки были почти что ни при чем?

Шли века. Традиции разрушения чтились свято.

Китайская империя. Эти ребята даже огородились Великой китайской стеной от

разных там кочевников, чтобы им не мешали разрушать родную страну, как они наметили.

Империя Чингиз-хана. Кажется, это ему первому принадлежат слова: «Я тебя породил, я тебя и разрушу!»

Вспомним, наконец, нашу родную Российскую Империю. Чего только не проделывали с ней самодержцы. Последний император так поусердствовал в своем тайном желании разрушения, что не уцелел и сам, но традиция сохранялась, слова старой клятвы, правда, несколько трансформировались, стали популярными в широких массах народа и превратились в некий гимн:

*«Мы весь, мы старый мир разрушим...
До основания...»*,

как говорится, аппетиты со временем растут. Одного Карфагена уже кому-то казалось маловато.

М-да, время-времечко, шли годы... Уже и СССР совместными усилиями своих правителей-кухарок и высшей номенклатуры отошел в мир иной.

И вот уже веселые ребята, стоящие во главе того, что осталось от России, как государственного образования, добродушно

улыбаясь, бормочут слова древней клятвы
разрушителей:

*«Карфаген, мать твою,
должен быть разрушен!
До основания... А затем ...»*

А что же затем? И зачем?
Традиция сохраняется.

1995 г.

ГРАФОМАНИЯ

Обзор явления и причины недуга

За те годы, что я работал в книжном издательстве, мне приходилось наблюдать самые разные подвиды графомана, этого, на первый взгляд, странного существа. Попадались совсем юные, начинающие графоманы, встречались особи среднего возраста и, чаще, преклонных годов. По социальному статусу различия были столь же весомы – от депутатов и высокопоставленных чиновников до безработных бедняков. И по умственному развитию, так сказать, по наличию интеллекта, диапазон также был обширен: от стопроцентных, что называется, патентованных дураков с абсолютной непроходимостью извилин – до людей умных, хорошо владеющих своими обычными профессиями и даже порой сознающих, что, да, есть у него эта страстишка к бумагомаранию и, получается, конечно, не ахти, понимаем, что коряво, что самодеятельность, да и грамотешка слабовата, но, хоть убей, хочется что-

то как-то выразить на бумаге. Хотя догадываюсь, что не Лев Толстой...

И поневоле приходишь к мысли, что как любви все возрасты покорны, так и страсть к сочинительству поражает некоторые персоны, очевидно, не обладающие достаточным иммунитетом к этой хронической и, по моим наблюдениям, практически неизлечимой болезни.

В этом месте, думаю, нам бы надо разобраться или хотя бы сделать попытку понять, что же это за зверь такой – графоман.

В Большом толковом словаре русского языка «графомания» определяется как страсть к писанию, сочинительству от «графо» и от «мании». По этому определению графоман – человек, подверженный страсти к писанию. Очень расплывчато, если принять это определение, то все более-менее плодовитые писатели, получающие удовольствие от своего творчества, графоманы. С этим, впрочем, можно бы согласиться, но учесть это определение в качестве первого значения слова «графоман».

В словаре С.И. Ожегова уже дается более конкретизированное понятие: «Графомания – *болезненное* пристрастие к сочинительству». «Графоман – тот, кто страдает графоманией». Как говорится, уже теплее, хотя

словечко «страдает» меня, например, в данном контексте не слишком устраивает, страдает, как правило, не сам графоман, а другие, часто совсем невинные люди, все несчастье которых заключается лишь в том, что они вынуждены порой общаться с нашим героем.

И не удивительно, что в обиходе, слову графоман придается оттенок пренебрежительности и под этим понимается бесталанный, бездарный писака, строчащий никуда не годные вирши или столь же дрянную, безграмотную или скучнейшую прозу. Вот с этим вторым и основным значением слова «графоман», видимо, и следует согласиться, от него и будем шагать в наших изысканиях. Хотя можно, учитывая и первое значение, изречь что-нибудь вроде:

«Все писатели – графоманы, но не все графоманы – писатели».

Итак, причины заболевания:

1. Подсознательная тяга к творчеству, не реализованная в иных видах деятельности.

2. Абсолютное непонимание сути и законов творчества, вообще, и литературного, в частности. Иначе говоря, если перед вами графоман, во втором значении, ярко выраженный, то, можно не сомневаться, он многого не знает и не понимает в той области,

где пытается творить, и точнее, не творить, а подражать творчеству тех, кого он берет за образец, и полагает, что превзошел... На самом же деле открытий не происходит, и все, что переносится на бумагу или обрушивается на зрителя стопроцентно вторично. А по сути, хорошо или плохо замаскированный неосознанный плагиат.

И отсюда третье:

3. Болезненное самолюбие и почти мания величия человека, подверженного злокачественной графомании. Всякая критика таким субъектом воспринимается как личное оскорбление. Тут прямо по В.С. Высоцкому «Я гений, прочь сомнения...»

4. Полностью отсутствует даже самая слабая попытка дать объективную оценку своим творениям. Нашему больному это просто не по силам.

5. И как следствие вышеперечисленного – отсутствие какого-либо совершенствования в избранной области. Начетничество – до меня писали так, и я буду так, взяв за образцы известных корифеев пера. При этом как-то забывается, что корифеи-то, когда писали *так*, шли по целине, делали открытия, до них именно *так* никто не писал, поэтому они и стали корифеями. Когда же иной эпигон или графоман выдает на-гора по

тому в месяц, используя разработанные другими схемы и сюжетные линии, заимствуя чужие идеи, героев, характеры и даже игровые эпизоды вклеивая из чужих работ в свою, то это очень низкий, самый примитивный вид деятельности. По дороге, проложенной другими, легко катиться, только нового у такого автора читатель для себя не обнаружит, удовольствия не получит и открытий не сделает. Сразу оговорюсь, под читателем здесь следует понимать умного, образованного человека, знатока литературы. Потому что вечные и неизменные ссылки графоманов на восторженные отзывы их близких, друзей или подчиненных, конечно, всерьез воспринимать нельзя – эти друзья и близкие, во-первых, могут быть еще более невежественны, чем сам автор, а во-вторых, от ближних мы очень редко получаем объективную оценку как нашей личности, так и творений. Близкие, чтобы не осложнять отношений с автором, всегда предпочтут зажмуриться, зажать себе носы и, мило улыбаясь, сказать:

– А что? Мне нравится... Очень, знаешь ли, неплохо смотрится...

Или:

– Ну ты даешь! Вообще!.. Прямо, Пушкин... (Да, обычно поминают несчастного Александра Сергеевича, поскольку о нем еще как-то

помнят из средней школы, а остальных могут и не знать...). Такие восторженные критики, конечно же, оказывают нашему горе-автору медвежью услугу. Он вкушает блаженный нектар славословий и похвал и, мгновенно, в своих глазах преодолевает дистанцию между собою и тем же А.С. Пушкиным. И начинающееся заболевание из легкой, безобидной формы сразу переходит во вторую стадию, осложненную манией величия и упоением своей грядущей славой.

Теперь уже и сам наш герой поверил в свое божественное предназначение и... «А что нам Пушкин? Мы не хуже!»

А от этого один шаг до: «Пушкин... Фи... Я намного лучше! И вообще – никто не сравнится с Матильдой моей!..» Да, именно «моей»...

Вот и приехали... Последняя стадия...

Наш герой мысленно уже отковал себе бронзовый прижизненный монумент, который в его глазах вознесся значительно выше Александрийского столпа...

Примерил все лавровые венки и готовится к получению, как минимум, всех Государственных и Нобелевской премий по литературе... Или иным видам деятельности...

М-да... Обычно на этой уже, можно сказать, мемориальной стадии заболевания, ког-

да герой на крыльях грядущей славы спешит осчастливить весь свет своими божественными творениями и со скромненькой, трех четырехкилограммовой рукописью вваливается в издательство... Да, обычно там-то его и подстерегал наш брат – редактор. Нет, нет, упаси боже, слава Дантесов нам ни к чему, но каюсь, каюсь, господа, в былые годы у редакторской братии руки были в крови бедняг-графоманов по локоть и некоторые из нас с особо садистскими наклонностями (имен называть не будем и в зеркало смотреться, пожалуй, не обязательно), прямо как вурдалаки, упивались высококалорийной графоманьей кровушкой. Конечно, и тогда высокопоставленные графоманы находили возможности осчастливить свет своими творениями, но на их пути были известные трудности. Ныне же почти все препоны порушились и... сами издатели восторженно и коленопреклоненно встречают любого заказчика-автора, не взирая на его способности. Все ныне решает не литературный талант, а способность изыскать финансы и оплатить свое издание. Само собой как-то застенчиво подразумевается, что бумага стерпит все, и энное количество экземпляров будет отпечатано. А уж найдет ли автор читателей для своих

трудов, это мало кого волнует, если найдет, тем хуже для читателей.

И все бы ладно, да вот обидно, что в этом море дряни теряются и тонут те немногие действительно талантливые сочинения авторов, что сумели найти какую-то копейку и опубликовать свое, самобытное.

– Однако, – как говаривал один известный писатель-чукча (просьба не путать с чукчей-писателем и всегда помнить, что это два совершенно разных литературных образа), – однако, моя мал-мал ушла в сторону...

Вернемся же к нашей теме, к графомании в ее втором, злокачественном значении. Если в годы былые, почти теперь былинные, рецидивы этого недуга изредка можно было наблюдать в редакциях и, конечно же, в печатных органах всех мастей и рангов, то в наше время это явление приобрело, по крайней мере у нас в России, характер пандемии и охватило постепенно все слои общества и все средства передачи информации. Ныне появились и благополучно процветают разновидности этого тяжелого интеллектуального недуга и в журналистике, и на телевидении, и на радио, и на эстраде. Общество наше полюбило это явление и в упоении смотрит многочисленные экранизации произведений за-

падных графоманов – как-то «Санта-Барбара», «Гваделупа», «Просто, Мария» и «Не просто, Мария» а многие другие, съедающие миллиарды часов свободного времени и жизней наших с вами современников.

Не знаю, не знаю, что умного и значительного можно сказать за тысячу серий? По-моему, уже после первой сотни серий зритель, даже вполне сообразительный до того, тупеет и становится почти таким же непроходимым, как и сами авторы-создатели этих экранных шедевров, и, таким образом, экранная графомания завоевывает, и с легким шипением гипнотизирует нашу наивную, девственную публику...

А бедные наши дети, подвергающиеся оглушению многочисленными мультсериалами, какими-нибудь «Блиндайзерами» или «Трансформерами», в которых какой-нибудь один эпизод варьируется до бесконечности... Какая нормальная детская психика способна это выдержать? Идет перекодировка подсознания и наши детки лет через десять потребления подобных информационных пилюлек сами готовые, если не глиндайзеры, то графомайзеры, это уж точно. Впрочем, дети всего лишь повторяют взрослых, а когда многочисленные телеведущие различных шоу-программ с идиотскими ужимками и ух-

мылками, старательно заигрывают с миллионными молодежными аудиториями и при этом так непрофессионально, так, по-графомански, фальшивят и выдают эту свою неумелую манеру за последний писк зарубежной моды, авось, публика-дура, и это sloпает, то становится грустно и немного боязно за наше чересчур уж веселое настоящее и столь же бесцветное беспросветное будущее.

А эстрадные графоманские песенки – все эти «Ты морячка, а я моряк», «Чо ты хошь, чо ты хошь?» и так далее...

Про художественную литературу, заполнившую все полки магазинов и все книжные развалы в переходах метро и книжных киосках можно говорить долго, но нужно ли? Процентов девяносто изданий, хотя, по формальному определению, и относятся к виду художественной литературы, но создатели их, очевидно, с легкой руки классика, полагали, что сам эпитет «художественный» происходит от корня «худо» и старательно придерживались данной этимологии.

Впрочем, как я уже говорил выше, литература ныне всего лишь одна из многих областей, где явление графомании всегда получало обширное распространение.

Очень опасаясь, что в нашем обществе,

куда ни ткнешь пальцем наугад, – попадешь на нашу злокачественную тематику.

Давайте поиграем. Вот вы, уважаемый, не надо отворачиваться, вы у себя в учреждении сколько никому не нужных отчетов составляете за год, за месяц? А сколько пустопорожней болтовни изрекается на наших совещаниях и собраниях?

Загляните как в ученые труды нашей Академии, так и в антинаучные изыскания различных новообразований последнего времени. Чего вы там наблюдаете?

А возьмем наших судейских, законников, депутатов всех рангов и мастей, чиновников различных ведомств! По тому количеству макулатуры, что издается только в предвыборные кампании, думаю, диагноз будет ясен.

Консилиум собирать не будем, ибо и эскулапы наши, боюсь, подвержены этому же недугу, в чем с неудовольствием убедился один мой знакомый, получив в регистратуре участковой поликлиники третий том своей больничной карты.

Убедил я вас, читатель, в серьезности явления? По глазам вижу, что сомневаетесь, улыбаетесь...

Что ж, последний довод.

Прошу рассматривать данную работу в

качестве реферата диссертации на степень доктора графомановедческих наук.

Саму диссертацию в четырех томах с графиками, диаграммами, дифференциальными и интегральными уравнениями и обширными массивами статистических данных и списком использованной литературы на четырехстах восьмидесяти шести страницах (это дополнительный том) обязуюсь представить высокоученому совету в согласованные сроки. И по первому требованию. Вот для ознакомления тематика некоторых разделов:

Том 1. История вопроса.

Графомания в древности...

Наскальная живопись как предтеча...

Античный мир. Поэтика Аристотеля и вопросы античной графомании.

Император Нерон – один из великих графоманов Рима.

Средние века. Графомания – служанка богословия.

Графомания и вопросы философии. Декарт. Вопросы графомании в трудах философов нового времени. Гегель и вопросы многописания. Кант и его вклад в разработку теории чистого графоманизма. Графомания и классики марксизма.

З Фрейд, психоанализ и зарождение графомании по вопросам пола.

А. Эйнштейн и научная графомания в трудах его последователей по вопросам Теории Относительности.

Историческая графомания. Труды хронистов.

Советский период.

Три источника – три составных части графоманизма.

Том 2. Биологические основы графомании.

Поэтическая графомания. Прозаическая графомания. Музыкальная графомания. Вопросы сюрреализма, позитивизма, соцреализма, негативизма, авангардизма, кубизма, идиотизма и графоманская живопись.

Научная графомания... Подразделы...

Влияние графомании на основы жизни современного общества. Географический и исторический обзор по странам.

Том 3. Обзор творчества выдающихся графоманов последних двух столетий.

Персоналии. Приводятся коротенькие биографии и обзоры трудов более тысячи известных графоманов XIX и XX столетий. Среди них множество политических деятелей, правителей, вождей мирового графоманизма, военачальников, философов, историков и богословов. Самые талантливые выделены в особый раздел – золотой фонд графомании всех времен и народов.

Том 4. Теория и практика графомании в наши дни в свете теорий глобализации и унификации и идиотизации. Последние достижения.

Вот, если коротенько, приблизительный обзор содержания моего основополагающего труда по теории современного графоманизма.

За сим с почтением.

Почетный член Явного и Тайного обществ графоманов, заслуженный адепт, основоположник Теории современного графоманизма У.Ф. Закорючкин.

В связи с тем, что автор этого эпохального труда в тяжелом состоянии госпитализирован (результат несчастного случая – уронил на себя свой бронзовый бюст, что стоял у него на шкафу в кабинете), передал эти записи в редакцию ближайший друг и верный последователь Уильяма Теофилоныча – Анатолий Шалин.

ПРОДУКТ ЭПОХИ

Экологическая сказочка

Синтезировали господа химики нечто непонятное (то, не знаю что...). Стоят, обсуждают, охают, а оно, это самое нечто, начинает вдруг расти, разбухать, раздуваться...

И воняет, воняет гадостно...

Принюхались товарищи химики и носы зажали.

Одного профессора наконец осенило:

– Братцы, мы же с вами искусственное дерьмо придумали. Смотрите, само растет, разбухает... Это оно с атмосферой взаимодействует – и как на дрожжах...

– Мало нам говна своего, человеческого, еще и искусственное придумали, – почесал загривок один из лаборантов. Если оно так быстро будет увеличиваться по массе, мы через десяток лет всю планету загадим. Не продохнуть будет!

– Молчи, Вася, ты еще не понимаешь ничего в науке, – возразил шустренький кандидат наук Синюковкин. – Нам Нобелевская премия светит, как минимум. Это же

решение проблемы органических удобрений... Новый уровень сельского хозяйства.

– Уважаемый коллега прав, – поддержал Синюковкина, – с.н.с Петрушкин. – В дерьме вся сила. И если посмотреть на проблему философски, в планетарном, так сказать, масштабе, то все мы из него вышли, все вскормлены, вспоены чем?

– Ладно, не будем о качестве продуктов, – поморщился профессор Пентиямов. – И на счет всех не стоит так уж глобально обобщать, однако, если взглянуть опять же на сливки нашего современного общества... Кто там наверху в основном плавает? А? Пословицы народные – это кладезь... Я предлагаю – отбросить сомнения и этот нездоровый консерватизм и дать дорогу новейшему высоко эффективнейшему продукту нашей эпохи – не надо бояться громких слов. Я уверен, результаты анализов это подтвердят: «Наше отечественное, доморощенное дерьмо – самое дерьмовое по всем параметрам и мировым стандартам. Тут-то мы и утрем носы всем этим великим державам! Уж, чем-чем, скажут их хилые представители, а дерьмом они богаты! А мы его, родимое, на экспорт!

Собравшиеся у автоклавов опытного цеха бурно заплодировали оратору.

И новейший искусственный продукт нашей эпохи был запущен в широкое воспроизводство. И загудело, и пошло оно по трубам...

Года через три директор института, разработавшего столь ценный технологически чистый продукт, получил Нобелевку, а еще лет через десять планету и в самом деле загадили по уши.

Не продохнуть!

ВСТРЕЧА

Собачья сказочка

*Никогда не теряй надежды,
даже если окажешься на по-
мойке!*

Этой ясной летней ночью при свете полной луны и весь мир, и помойка были прекрасны. И старый лохматый пес (когда-то у него были имя, фамилия и даже ученое звание, но ныне все его называли не иначе как Рваное Ухо) с упоением ковырял лапами в отбросах. Вдруг он принюхался и, заметив в кустах какое-то жалкое дрожащее существо, снисходительно твякнул:

– Р-р-гав! Эй! Приятель, что ты там позабыл под кустом? Прыгай сюда! Сегодня костей хватит на всех!

– Не могу... – проскулило существо, при ближайшем рассмотрении оказавшееся длинноухим, коротколапым и короткошерстным псом неизвестной Рваному Уху породы. –

Хозяин всегда запрещал мне подходить к помойкам.

– Так у тебя есть хозяин? – удивился Рваное Ухо. – А что же ты тогда здесь делаешь?

– У меня больше нет хозяина, – с горечью сообщил незнакомый пес. – Хозяина месяц назад засунули в большой полированный ящик и куда-то увезли, а меня вчера выгнали из нашего особняка. Там теперь поселились другие, а у них есть другой пес. Я уже не нужен. Теперь никто не будет выводить меня на прогулку на тонком кожаном поводке, никто не крикнет мне: «Апорт!» или «Служи!» и не покормит мясом по утрам...

– Мясо по утрам, – облизнулся Рваное Ухо. – Звучит не плохо. А все остальное меня не привлекает. И по-моему, тебе, старик, скулить из-за этого остального едва ли стоит. Пошевели ушами! Ты теперь свободный пес! И никому не обязан служить. А что касается тонкого поводка или толстой цепи – меня они, например, всегда раздражали.

– Как!? Неужели же можно обходиться без них? – усомнился пес из особняка. – Это же символы собачьей верности, добропорядочности...

– Хм?! – удивился в свою очередь Рваное Ухо и, присев на кучу старых полиэтиленовых кульков, почесал задней лапой свое брю-

хо. – Ну, если не можешь без символов, тогда тяжело тебе придется. Цепи и поводки только у собачников, а им лучше не попадаться. В остальном у нас тут терпимо. А этой ночью просто прекрасно. Посмотри, как тут много вполне сносной еды...

– Это же помойка... – простонал пес из особняка. – Ужасно, что бы сказал обо мне мой хозяин, если бы мог увидеть меня здесь?

– А что разве он у тебя был таким большим противником помоек?

– Они внушали ему ужас.

– Ну, этого я не в силах понять, – признался Рваное Ухо. – Самые роскошные помойки обычно возникают вблизи особняков. Поверь моему богатому опыту. И твой хозяин, наверняка, создал не одну такую великолепную помойку. Почему же ему внушали ужас его создания?

– Этого я не знаю, но ужас хозяина теперь поселился во мне, – проскулил пес из особняка. – Я, о, какая злая участь! я на помойке...

– Да, ты на помойке, – задумчиво согласился Рваное Ухо. – И я на помойке. И многие другие... И почему же ты не радуешься? Иногда, старик, вот в такие лунные теплые ночи меня посещают странные мысли... Мечты... Порою мне представляется, что весь

наш прекрасный мир одна большая, грандиозная помойка... Помойка жизни... У этой помойки разные оттенки. В особняках она имеет одну специфику, один запах, здесь другой, но внутренности костей все те же. Вот даже взять твоего хозяина, куда его, по твоему, утащили?

– Неужели?! – от ужаса вся шерсть бедного песика из особняка стала дыбом. – Неужели?!

– И ты еще сомневаешься, – философски твякнул Рваное Ухо. – Конечно, на какую-нибудь помойку... На помойку жизни. Так что не переживай, у нас подбирается отличная компания, и никогда не теряй надежды на вкусное настоящее.

23.01.99

НОВЫЕ СКАЗОЧКИ,
или
Вторые серии
старых сказок

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ...

Ну, чем первая серия этой сказки закончилась вы, детушки, конечно, помните.

Да! Да! Да! Избрали Емелю-дурака царем почти единогласно. Как сейчас помню, выборы в два тура проходили – умных всех еще в первое голосование отсеяли, ну, а Емеля свою предвыборную кампанию удачно провел, наобещал, конечно, народу с три короба, мол, по щучьему велению, моему хотению, молочные реки, кисельные берега, и вообще, фермерство введем, переворот в сельском хозяйстве, вы уж мне поверьте, щуки зарубежные помогут, и опять же Международный валютный щучий фонд транш обещал выделить очередной для подъема нашей родной Тридевятого царства экономики... В общем, все будет о'кей, то есть по-моему хотению, по щучьему велению. А нам, робяты, только на печи лежать и в потолок поплевывать, и ни об чем таком голова даже с перепоею болеть не будет.

Поначалу-то все очень даже весело развернулось, водки появилось в Тридевятом государстве – хоть запейся, и средства заморские от запою завезены были. Опять же бабушка-щука поспособствовала. Прощарствовал Емеля, лежа на печи лет пять, все указы издавал: мол, по-моему хотению, так, мол, и так... Сами понимаете, детушки, указы писать – большого ума не надо.

А народ-то в Тридевятом царстве стал замечать, что указы-то все больше не по Емелиному хотенью, а по-щучьему велению пишутся.

Да и то, какое уж тут хотение, когда все царство в долгах, как в шелках, из мужиков, кто и умел трудиться, с водкой, да всякими зельями заморскими совсем разучились. А от бабушки-щуки с вексельями на оплату прежних и вновь наделанных долгов акул заморских понаехало...

И требуют:

– В уплату за прежние услуги и новые извольте отдавать руды, камня самоцветные, золото, серебро, а – нет, так и царство по кусочкам отстегнуть извольте...

– А бабуся-щука велела низко кланяться, но теперича за водой вашим подданным самим ходить придется. И на печи не раскатаетесь, с угольком опять же перебои

начинаются, и вообще, энергетический кризис...

Вот ущучили, так ущучили!

Тут Емеля пригорюнился, хоть и писанный красавец был, а приуныл:

– Это как же? Это почему? Какой такой кризис?

– А такой! – отвечают министры. – Казна пуста! Долгов еще при прежнем государе понаделали. А нынче с их щучьими величествами совсем народ обнаглел, бастуют, зарплаты за прошедший год требуют, шахтеров в забой не загонишь, на печи лежать привыкли, пораспустились, понимаешь. И большое запустение в нашем царстве обнаружилось.

Тут набольший министр внутренних дел вперед выступил и Емеле на ушко шепнул:

– Страшно сказать, Ваше Величество, но у подданных ваших упорное мнение зреет, что даже во времена царствования, не тем будь помянут, Кощея Бессмертного так плохо в Тридевятом царстве народ не жил. Дескать, Кощей, хоть и зверствовал, и работать заставлял мужиков, но и своим вельможам сильно воровать не позволял. И при нем, де, столько дурости, как при Ваших Величествах, не бывало. Как бы воз-

врата Кощеюшки не наметилось, не даром он, бессмертный.

– Гм! Не может быть! Не допустим! По щучьему велению... У нас нонче демократия! Это как же? Это что же? Измена! Тоталитаризму захотели? Я вас мигом – по щучьему велению...

Однако веления и хотения в этот раз как-то не получилось... И у щуки-бабушки у самой плавники попустились:

– Это надо ж, – говорит, – столько средств на Емелю-дурака и его Тридевятое царство извели, и все как в прорву. Все растащили, разворовали и все так же на печках сидят и ни черта не делают. А ведь и печи у них уже без дров и без угля, и сантехника барахлит, а они все дурака валяют, да на нас зубастых надеются. Тьфу на вас, дураков, чтоб вы пропали!

Вот так, по щучьему велению, оно, кажется, все и вышло...

2 января 1997 г.

РЕПКА

Да, нынче-то, как и прежде бывало, посадил дед репку. Как сейчас помню, по весне это было. И вот ведь что удивительно, выросла репка, как и в прежние годы, большая-пребольшая.

Почесал дед затылок – одному не вытащить, всем миром надо бы навалиться. Вспомнил тут про бабушку, про внучку, про Жучку, про кошку и про мышку.

Стал бабушку кликать, а ее в избе не найдешь – в город в супермаркет поехала.

Внучку на сельхозработы хотел пригласить, а той некогда – телесериалы, бедная, никак досмотреть не может «Санту-Барбару», «Рабыню Изауру» и «Богатых, которые все плачут и плачут». Ну что ты тут делать будешь?

Жучку свистнул. Прибежала Жучка – хвостом завиляла, а репку тянуть и ее не допросишься, она, видите ли, своим породистым происхождением теперь озабочена, дворянские корни у своих прапрабабушек разыскивает.

Ну, на кошку дед уже и не надеялся. И точно, у той свои заботы – все наши мышки вдруг суверенитета затребовали, до драки дошло, Мурке вот даже хвост слегка ободрали.

Подергал дед репку, подергал, а потом плюнул и запил от огорчения. А через недельку так примерно заглянул в огород, а от репки и следа почти не осталось, набросились на нее разные колорадские жуки и гусеницы – только хруст и чавканье стоит.

Прощай, репка!

17 мая 1997 г.

ПОХОРОНЫ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО

Слух прошел по сказочному Тридевятому царству и сразу как-то массы в него поверили. Дескать, консилиум был. Его Бессмертие при смерти. Диагноз – хроническое слабоумие, отягченное манией величия и прогрессирующим параличом конечностей и духа.

И все задумались – уходит, мол, эпоха...

А наследника у Кощея не оказалось, на кой они ему, он же бессмертный. А тут, видно, припекло. Общее разочарование. Брожение умов. Троны шатаются.

Объявили народу: «В четверг, после дождичка, гражданская панихида, траурная процессия и всенародный плач...».

Все змеи-горынычи костюмчики черные напялили, баба-яга блинов поминальных напекла. Опять же веночки, венички...

Василиса Премудрая в ожидании будущего вдовства своего призадумалась. О прошедшей молодости вспомнила:

– Ох, сколько их было, Иванов-то – и дураков, и царевичей! А муженек-то один – Кощеюшка! – И взвыла: – На кого-то ты меня покидаешь! Сокол ясный, ворон ненаглядный! (А сама думает: Тьфу, глаза бы на тебя не глядели!).

Словом, загудело Тридевятое, запахло ветром перемен. Кикиморы активизировались – из своих болот на телеэкраны полезли, и все внутреннюю и внешнюю политику обсуждают, митингуют. Кощею косточки перемывают.

А вот и четверг... и дождичек прошел... И хотя Кощей помирать и не думал, но поволокли его бездвиженного в хрустальной домовине в фамильный кощев склеп. Старость не радость, да он уже и не соображал ничего в последние семь столетий, только глазами лупал по сторонам... И бормотал тихо, тихо:

– Смерть моя в яйце... Смерть в яйце...

Поминали Бессмертного почему-то одной яичницей.

ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ СКАЗКА

Жили-были кошка с собакой...
Дружно жили...

В СКАЗОЧНОМ КЛОПИНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Главный клоп:

– Приказываю учредить звание «Заслуженный клоп республики». И соответственно – ордена: Кровосос Первой степени, Второй и Третьей.

СКАЗКА ПРО БАБУ-ЯГУ

Долго я бродил по дремучему лесу и совсем уже было отчаялся. Как вот и она – изба, почти без окон и без дверей. И бабуся перед крылечком чего-то варит в большом закопченном котле, у печки возится. Только дым идет.

– Так, милоч, ты кто ж будешь? – сердито посмотрев на меня прищуренными глазами поверх очков с закопченными стеклами, спросила эта самая бабуся, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении довольно бодрой старушкой древнего вида. – Турист, что ли? Шастают тут, шастают, всё Тридевятое царство затоптали, сколько можно? И куда общество охраны памятников старины смотрит?

– Я из газеты, бабушка. Корреспондент.

– Какой еще корреспондент? Сроду не слыхивала и видом не видывала. Чего надо? От дела лытаешь?..

– Задание редакции. Мне бы Бабу-Ягу найти, говорят, где-то в этих местах ее последний раз видели в одна тысяча восемьсот...

- Ну, я Яга. Дальше что?
- Ой! Вот это удача! Можно, я вас сфотографирую?
- Чего? Что еще за фофигафирую? В печку захотел? Я из тебя сейчас самого котлет наделаю.
- Э! Простите, вы, бабушка, меня не совсем правильно поняли. Я всего лишь хотел бы запечатлеть ваш портрет.
- Потрет. Какой еще потрет?
- Ну, как бы попонятнее-то объяснить. Лик ваш очаровательный запечатлеть для потомства хотелось бы. И несколько вопросов, если позволите?
- Вопросы тебе самому задавать будут, в другом месте. А ну, кыш отсюда, пока цел!
- Так и не поговорили...

ПРО ЗМЕЙ-ГОРЫНЫЧА

Профессор сказочной палеонтологии Теофилакий Пустозвонцев извлек из рюкзака огромный череп и продемонстрировал аудитории.

– Вот он, тот самый. Останки одной из двенадцати голов. Видите: след скола. Это Иван-Дурак кладенцом поработал во времена оны... И попрошу дурацких вопросов не задавать. Теперь вам понятно, почему исчезла вся сказочная фауна? Повывели. Всем ясно? Общества защиты животных тогда еще и в проекте не было. Вот и извели всю, как есть, сказочную живность. Да, эти бронтозавры не сами вымерли. Чего бы им самим вымирать, это все добры молодцы, царевичи, королевичи, дураки опять же. Их и сейчас... и в прежние времена полно было. А грин писов тогда еще не выдумали.

КОЗА И СЕМЕРО КОЗЛЯТ

Жила-была коза, и было у нее семеро козлят. Коза в них души не чаяла. И кормила, и поила, и баловала, как умела, и от волков спасала, и от медведей прятала...

Прошли годы...

Росли козлята, росли и выросли, превратились в семерых здоровенных козлов, склонных к мордобитию и алкоголизму...

И забыли козлы эти совсем свою козуматушку, а пенсия-то у нее масенькая оказалась. И пришлось старой козе идти побираться.

Так обратим же внимание на проблемы воспитания подрастающего поколения, ибо...

Ибо неблагодарных козлов у нас уже хватает!

КУРИЦА РЯБА

*Сказка для детей
неопределенного возраста*

В некоем царстве – некотором государстве жили-были дед со своей старухой, и была у них, среди прочих пернатых, курица по имени Ряба. Петух у них тоже был, но сказка не о нем.

Так вот однажды, в связи с каким-то событием: не то праздник ожидался, не то конец месяца, снесла эта самая курица Ряба яйцо, как вы догадываетесь, не простое, а золотое, девятьсот семьдесят пятой пробы.

Увидел это яйцо дед, удивился, глазам не поверил, дескать, как это в нашем родном, можно сказать, курятнике и такие самородки произрастают. Перепугался дед, думает, как бы чего не вышло, как бы нас со старухой за валютные операции не привлекли. И решил дед, от греха подальше, золотое яйцо ликвидировать, сделать так, что вроде бы ничего такого у них в курятнике и не было, и в отчетностях ни-ни, никаких упоминаний об этом. Если же слушок пойдет по инстан-

циям, то все отрицать, дескать, не у нас это, а за границей было, а про наш отечественный курятник – это все корреспонденты напутали...

Взяли дед с бабкой по молотку и давай то яйцо изничтожать! Били, били, колотили, колотили – и все без толку. Надоело это занятие старикам, в конце концов.

Вытер дед пот со лба и говорит:

– Да, бабка, силы мои уже не те, что прежде, да и яйцо, наверное, никакое не золотое. Надо думать, это какой-нибудь сверхпрочный вольфрамо-иридиевый сплав. Пойду отнесу я сию штуковину своему начальнику, он парень молодой, может, у него чего с яйцом и выйдет. Наше дело маленькое – пусть начальство разбирается, им за это оклады положены.

Так дед и поступил.

У начальника, правда, тоже ничего не вышло. Целый рабочий день он над яйцом измывался: и бил, и колотил, и в мясорубку засовывал, и через яйцезерку пропустить пытался. Сам извелся, изнервничался. Деду выговор влепил в сердцах и наметил двадцатипроцентное лишение премии за текущий квартал, а проклятому яйцу все ничего не делается. Под вечер отнес начальник яйцо золотое вместе с рапортом своему начальнику, тот, мол, и старше, и образованнее, и

по должности выше, словом, должен в яичном вопросе лучше разбираться.

Старший начальник, конечно, поначалу младшему начальнику разнос устроил, мол, почто по пустякам беспокоишь. А потом тоже яйцо бил, бил, но не разбил, а, поразмыслив, особо ценной бандеролью отослал яйцо в столицу...

Сказка быстро сказывается, да, к сожаленью, не быстро дела делаются. Короче говоря, после всяких передряг попало яйцо к первому министру.

Министр был уже в летах, на свои силы не надеялся, однако для очистки совести все же стукнул яйцо три раза Большой Государственной Печатью и отправился с ним на прием к самому царю.

Показал министр золотое яйцо государю и докладывает:

– Ваше Царское Величество! Яйцо, как изволите видеть, не простое, а золотое. Били мы его, били, колотили, колотили, давеча даже под паровой молот клали и ничего у нас не вышло, нужна ваша резолюция: как бить, то есть, как быть...

А надобно заметить, государь той сказочной страны отличался редкой (среди царей) мудростью. Свою профессию царь-батюшка любил, видел в ней свое призвание (в том смысле, что ни на что другое уже не годил-

ся) и, отсидев на троне без малого лет двадцать, в государственных делах привык разбираться быстро и основательно.

Выслушал государь своего первого министра и тяжело вздохнул:

– Значит, били?

– Били, царь-батюшка, били, вы же знаете наши методы, как же без этого?

– Колотили?

– Колотили, царь-батюшка, старались.

– Так?!

– Так...

– Дурак ты, братец, дурак. Даром, что первый министр. Уж не знаю, что мне теперь о вторых и думать? Вот они, кадры! Верни яйцо курице и извинись перед ней за причиненное беспокойство! И чтобы никаких мышек! Разобьешь – квартальной премии лишу и удержу из оклада как за целого золотого петуха. А следующий раз за такое отношение к государственному имуществу привлеку к уголовной ответственности! Ясно?

– Так точно, Ваше Величество, ясно! – пролепетал первый министр, побледнел и вышел.

Государь же еще раз вздохнул:

– Это что же такое делается? – Взял кисточку и пошел замазывать трещины Государственного Бюджета.

На этом сказка кончается. Кто слушал, молодец!

Ах, вам интересно знать, что было с тем яйцом? Из него со временем в экспериментальном столичном инкубаторе вылупился Золотой Петушок. Про него сказку вы уже слышали. М-да... А вот курочка Ряба так и не дожидая до столь радостного события... Бабка как узнала, что деда на двадцать процентов премии лишить собираются, так тем же вечером прибежала в курятник и Рябе голову открутила, дескать, чтобы другим курицам не повядно было нарушать установленные временем и природой обычаи и традиции. Впрочем, суп куриный дед одобрил. А вот начальник евойный за голову схватился, когда им на район сверху, из столицы, план по золотым яйцам спустили. Ну да тут уж ничего не поделаешь, все уцелевшие курицы того сказочного района теперь грамотные и ни-ни, упаси боже, никаких золотых яичек. Нет, нет и нет! Все отрицают! И случай этот с Рябой тоже. Дескать, не у нас это, за границей было, в Японии, кажется, а про наш отечественный курятник – это все корреспонденты понапутали...

Да, мой маленький друг, нужно уважать чужой труд, даже если это всего лишь труд курицы.

1977 г.

ОПРЕДЕЛЕННО, ГОСПОДА, ТОНЕМ!

Стоны слышались все чаще. Кто-то икал, кто-то кашлял. Из трюма корабля стройными колоннами выползали крупные, весьма упитанные крысы и, прощально помахивая хвостиками в сторону капитанского мостика, спешили по сходням и канатам покинуть судно (резво плюхались в воду и плыли к другим фрегатам).

Штурман, пристально созерцая происходящее, все чаще с тоской посматривал на берег и почесывал в задумчивости лысину на затылке.

— Хм! Определенно тонем... Пойти выпить что ли?

Из кают-компания слышались пьяные голоса и бодрый баритон капитана:

— Значить, курс взят правильно, понимаешь. И спорить тут нечего! А вы, мичман, потрудитесь закрыть за собой дверь!.. А боцману нечего панику поднимать — пять суток гауптвахты за неуважение к творческим способностям руководства!..

1990 г.

ДОКТОР И ПАЦИЕНТ

– На что жалуемся?

– Доктор, я всем доволен. Хорошо-то как, господи! Лучше, наверное, и не бывает!

– А конкретнее?

– И страна-то у нас чудесная, прекрасная страна! И народ замечательный, умный, талантливый народ! И правительство мудрое, заботливое! И президент-то у нас красавец и умен не по годам! А депутаты какие! А наши олигархи – бесребреники! Все честные, совестливые люди! А женщины какие вокруг красавицы, заботливые, милые! А мужи какие разумные, понимающие, трудолюбивые! А природа-то какая! Это сказка, а не природа! А медперсонал! А санитары! А наше бодрое здравоохранение! А доктора-то какие умные, можно сказать, совсем образованные!

– И давно у вас это началось?

– С детства! Врожденный восторг перед существующей действительностью! Перед величием, так сказать, эпохи и мироздания!

– Гм! Значит, хроническая форма... А что вам до этого прописывали? Так что у нас здесь в истории болезни? Циклодольчик! Это вряд ли поможет. А вот, пожалуй, серу в четыре точки и на вязки – это эффективнее, хотя... Очень уж случай у вас запущенный, дружок. Ничего, ничего, не волнуйтесь! Вылечим!

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

| | |
|--|----|
| Футурия..... | 4 |
| Смысл жизни | 18 |
| Определитель судеб | 28 |
| У окон дома моего | 29 |
| Улица детства | 37 |
| Тяжелый случай | 39 |
| В государстве «N» | 58 |
| Карфаген должен быть разрушен, или Верность традициям | 72 |
| Графомания..... | 76 |
| Продукт эпохи..... | 90 |
| Встреча | 93 |

НОВЫЕ СКАЗОЧКИ, или Вторые серии старых сказок

| | |
|--|-----|
| По щучьему велению... .. | 98 |
| Репка | 102 |
| Похороны Кощея Бессмертного | 104 |
| Очень короткая сказка | 106 |
| В сказочном клопином государстве | 106 |
| Сказка про бабу-Ягу | 107 |
| Про Змей-Горыныча | 109 |
| Коза и семеро козлят | 110 |
| Курица Ряба | 111 |
| Определенно, господа, тонем! | 116 |
| Доктор и пациент | 117 |

**Анатолий Борисович
Шалин**

ОПРЕДЕЛЕННО, ГОСПОДА, ТОНЕМ!

Рассказы и сказки

Ответственный редактор *В. П. Знакова*

Корректор *М. М. Незрячий*

Технический редактор *Н. Т. Федорова*

Сдано в набор 25.11.04. Подписано в печать 15.09.2005.
Формат 70 x 90 1/32. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,5. Тираж 500 экз. Заказ №
133. РИЦ «Новосибирск» Новосибирского отделения Со-
юза писателей России. 630081, Новосибирск, ул. Орджо-
никидзе, 33. Типография ООО, «Сова», Новосибирск, Зе-
леная горка, 1.